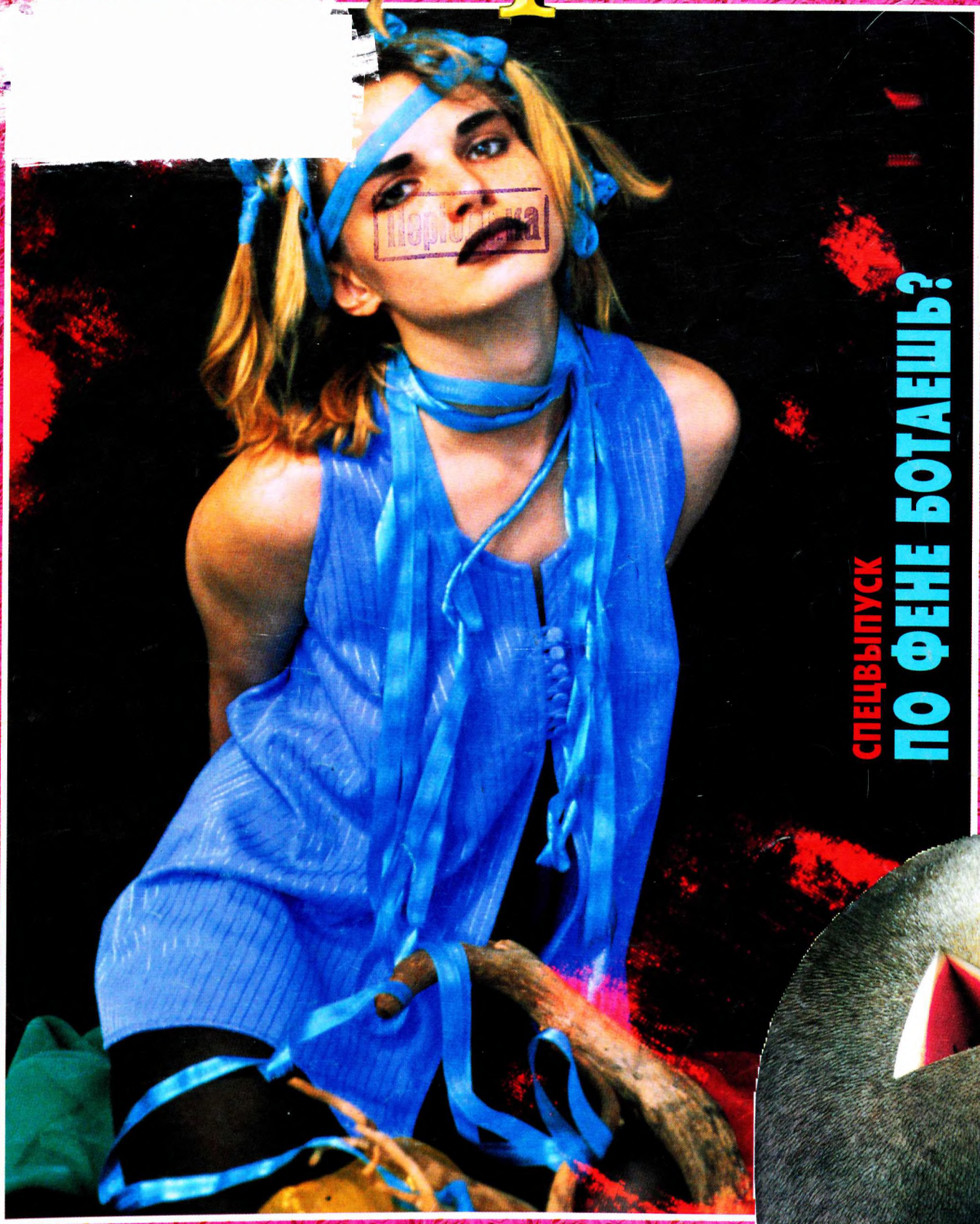
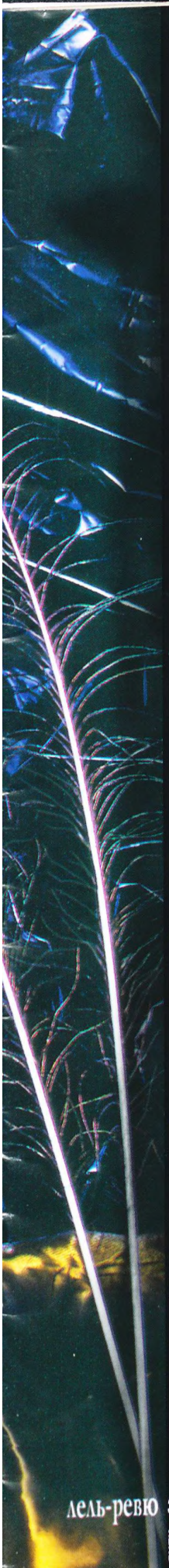
лель-ревю

5-6 97

ИЗ ВСЕХ ИСКУССТВ ВАЖНЕЙШИМ ЯВЛЯЕТСЯ ИСКУССТВО ЛЮБВИ



СПЕЦВЫПУСК
ПО ФЕНЕ БОТАЕШЬ?



ЛЮБОВЬ И СЕКС В КРИМИНАЛЬНОМ МИРЕ

До сих пор мы избегали тематических выпусков «Леля» и «Леля-ревю». Хотя такие соблазны возникали всякий раз, когда в редакцию попадала уникальная коллекция эротической живописи, никем не читанная сенсационная проза большого объема, неисследованный пласт срамного фольклора, что-то еще, способное разжечь зуд первооткрывателя.

В этот раз мы все же решили посвятить страницы журнала одной теме, которую можно сформулировать так: «Любовь и секс в криминальном мире». Почему вдруг?

Да потому, что внутри нашего социума (как и многих других) существует некое образование, не имеющее границ, но с устоявшимися нравственными законами, своими понятиями о любви, верности, эротике. Потому что граждан в этом «государстве в государстве» достаточно много, и они из поколения в поколение проходят одну и ту же тюремную школу, где в условиях изоляции происходит ломка взглядов на жизнь и любовь, сексуальной ориентации, психики в целом. Потому что все накопившиеся в этом мире проблемы в конце концов растворяются в здоровой части общества, оказывая ощутимое влияние на нравственность, культуру, политику.

Проблема эта серьезная, и она должна когда-то прозвучать. Вот мы и решили познакомить вас, уважаемые читатели, с языком, на котором говорит любовь в преступном мире, рассказать о том, в каких условиях и формах она зарождается, существует и гибнет, и о многом другом.

Уверены, многое вам покажется знакомым: слова и обороты, прочно вошедшие в наш обиход; привычки, элементы культуры. Не удивляйтесь — два социума, сосуществуя, неизбежно влияют друг на друга.

Сергей ЧИРКОВ,
главный редактор журналов
«Лель» и «Лель-ревю»

Фото: ЯНЕК

лель-ревю

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ
ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
И ИСКУССТВА
О ЛЮБВИ

№ 5 - 6 (22 - 23) 1997

Основатель и издатель — фирма «Деркул»
(свидетельство о регистрации:
серия КВ, №849 от 22.07.94).

Журнал издается с 1994 года.
С 1992 года редакцией
также издано 34 номера
журнала «Лель»;
подписной индекс 74283.

Главный редактор
Сергей Чирков.

Редактор отдела литературы
Владимир Митрофанов.

Редактор отдела фольклора
и литературных раритетов
Николай Сулима.

Литературный редактор
Валентина Митрофанова.

Художник
Вадим Шевченко.

Макет Виталия Крюкова.

Фото:
1-я стр. обложки — Владимир Луценко;
постер — © Игорь Матвиенко;
4-я стр. обложки — Яков Шубин.

Подписано к печати 09.02.98.
Тираж — 16000 экземпляров.
Цена договорная.

Адрес редакции: 254119, Киев-119,
ул. Дегтяревская, 38—44, "Лель".
Телефон/факс: (044) 211-02-68.

Сканирование и обработка
иллюстраций, вёрстка
компьютерного центра
фирмы "Деркул" (Вадим Шевченко).
Тел.: (044) 211-06-90.

Печать — рекламно-издательское
предприятие «Такі справи».
Тел.: (044) 446-10-31, 446-61-55.

Фотографии, помещенные в журнале,
не являются прямыми иллюстрациями
к текстам.
Ответственность за содержание и
достоверность рекламной информации
несет рекламодатель.
При перепечатке материалов ссылка
на журнал "Лель-ревю" обязательна.

© «ЛЕЛЬ-РЕВЮ», 1997.

Индекс 74288.

Вид. од. _____
Дата 23.08.2024
№ чит. квитка 1009-к
МБА

СЕРГЕЙ БЕЛОБОРОДОВ

МАРфУША

Зэк Василий Стопкин возвращался с длительного свидания с собственной женой. Трое суток практически беспрерывной половой жизни слегка покачивали его и заставляли с тоской думать о дальнейшей жизни в лагере. Поэтому, исключительно на память о супружнице, он прихватил с собой в зону ее розовые колготки. Вот с них-то все и началось...

В жилую зону Василий вошел в половине десятого утра. Все зэки были уже на работе, только представители доблестной хозобслуги по зоне шастали. Он присел на кровать, вытащил из-за пазухи колготки и, тяжко вздохнув, погладил розовое. Еще полный свежих воспоминаний, погрузил нос в тряпицу колготную и затянулся всласть духом женским нестиранным. Голова пошла кругом, перед глазами ноги жёнины возникли, да так явно, так отчетливо, что в мозгу враз идея сногсшибательная проклюнулась. Васька вскочил и начал рьяно ватой матрасной колготки набивать. Быстро, но аккуратно заполнив пикантную часть женского туалета, он положил эту розовую прелесть на свою кровать. Затем соорудил из шмуток некоторое подобие человеческой фигуры и очень, ну очень-очень соблазнительно прикрыл свое сооружение одеялом. Конечно же, колготки, вплоть до предполагаемого тазобедренного сустава, он оставил соблазнительно неприкрытыми. И теперь, с какой стороны ни глянь, но особенно сзади, — ну ни дать ни взять женщина со стройными ногами под ненароком сбившимся с самого интересного места одеялом на кровати зэковской железной (а нате вам!) случайно уснула. В мужской зоне, где абсолютно исключен даже запах бабий — и вдруг такие прелести тазобедренные посреди барака появились! Нонсенс, абсурд, невозможность полнейшая, почти что подрасстрельная!.. Васька отошел к входной двери и придирчиво посмотрел на бутафорию. Взгляд интересовался и притягивался. Васька вполовину сократил расстояние. Взгляд возбуждался и все остальное возбуждал. Васька подошел, на спинку кровати облокотился — и возбудился полностью. Ну чисто баба перед ним лежала с бесстыдно сброшенным с задницы одеялом. Страшно захотелось тут же сорвать с себя одежонку и шмыгнуть под одеяло к обладательнице этих соблазнительных телес. И это после только что закончившегося свидания! Что же с остальными-то будет, теми, кто уже по несколько лет женщины не видел?..

Стопкин облизал пересохшие губы и вытер вспотевший лоб. Не успел он стряхнуть с рукава капли пота, как услышал скрип открываемой двери, сдавленный вопль и стук упавшего тела. Обернулся — а это шнырь* отрядный, лежит на полу и конвульсивно дергается. Стопкин подбежал к нему и из ведра шнырёвского побрызгал в лицо водич-

* *Шнырь* — дневальный, уборщик.

кой. Шнырь очухался, сел и спросил заикаясь:

— Как это тебе удалось бабу со свиданки вынести? Неужели не шмонали? — И тут же, вцепившись в Васькину штанину, завел скороговоркой: — Васек, а Васек, у меня сигареты, кофе, деньги есть... да что там деньги... я тебе до конца срока трусы стирать буду... дай мне ее на полчасика!

— Да это колготки бабские, а не баба, — с сожалением объяснил Васька.

— Колготки?! — разочарованно воскликнул шнырь и, ломанувшись к предмету своего вожделения, откинул одеяло. — Тю, а я-то обрадовался... — покачал он головой и поправил нечто в штанах. — Но эффект впечатляющий, — произнес задумчиво, пожирая глазами розовые колготки и почесывая затылок. — Постой, постойка... А что, если... Ну конечно же! — Он хлопнул себя по лбу и повернулся к Ваське. — Я ведь, вообще-то, скульптор... бывший... и вот подумал: а что, если ей все остальное прилепить? — Он показывал пальцем на колготки, но так именно и сказал: «ей», — для него это уже была «она».

— А сможешь? — с сомнением в голосе спросил Стопкин.

— Смогу! Я ради женщины все смогу! — Шнырь-скульптор топнул ногой и добавил: — А ты, пока я леплю, сбегай-ка за портным и за зоновским художником. Объясни им ситуацию.

— Я мигом! — крикнул Васька и, окрыленный шнырёвой идеей, выбежал из барака.

Когда он привел портного и художника, ваятель уже заканчивал Женщину, оставалось только левую титьку прилепить.

Портной достал сантиметр и начал с «женщины» мерку снимать, то и дело восхищенно восклицая:

— Ах, какая у вас фигура, мадам! Ах, какие идеальные пропорции!.. Ах, извините, я ваш бюст измерю... ах, извините, талию... ах, бедра... ах, ах, ах... — И таким вьюном около нее вился, что Ваське на миг и вправду живой эта фигура показалась.

Художник несколько секунд глубокомысленно созерцал создание скульптора, и на него тоже снизошло вдохновение. Он схватил краски, кисть и начал священнодействовать. Если раньше у него только зэки — да и то довольно паршиво — получались, то сейчас, прямо на глазах у изумленных зрителей, из-под его кисти такая красавица выходила, что куда там той Венере греческой, — ну чистая Марфа-краса длинная коса, голенькая, но в колготках розовых, на кровати зэковской возлежала!..

Художник уже домалёвывал ей ноздри, когда в барак вошел автослесарь. На полусогнутых ногах, хватаясь одной рукой за спинки кроватей, а другой придерживая нечто в штанах, он доковылял до произведения искусства. Секунд десять стоял молча, напряженно думая, затем проикал в волнении:

— Карданный вал нужон, шатуны, подшипники... и побольше солидолу — чтобы не скрипела, стало быть...

— Неужели двигаться будет? — хором спросили присутствующие.

— Должна!.. Вот только бензина нет... кризис... — прошептал слесарь.

— Ерунда! — раздался голос. В дверях стоял зоновский электрик. — Я в нее электромоторчик вставлю, провод протяну и в розетку всуну... — Он поднял палец и вроде как погрозил им. — Двести двадцать вольт кого хошь дергаться заставят!

Все согласно закивали головами. Электрик и слесарь немедля приступили к работе. Васька Стопкин довольно потирал руки, крутился возле них и поторапливал:

— Мужики, вы только поспешайте! Надоть к съёму с работы успеть. Пусть братва обалдеет!..

Через полчаса провели испытание. Произведение искусства работало... но лучше бы оно не работало вовсе. Все у него крутилось и дергалось совершенно хаотически, ну никак не по-женски.

— Я радиомастера позову! Он на воле в каком-то НИИ воровал. Может, что-нибудь придумает... — сказал Васька, и сбегал, и привел мастера.

Радиотехник разволновался, расчувствовался. Телеса произведения погладил — и, пока гладил, нашел решение.

— Значит, так, — хрипло, но любовно заговорил он. — Надо чипы причипить, транзисторы притранзирить, диоды придиодить, сопротив...

Но тут Васька грубо перебил его:

— А вот сопротивлений и не надо! Пусть не сопротивляется!

Все одобрительно загудели. Мастер подумал, кивнул согласно, но сказал:

— Одно все же впаяю. Чтобы ментам не давала...

Зэки захлопали в ладоши. Тут прибежал и портной. За ним два шныря внесли на строительных носилках гардеробчик для Марфуши-красы. Может, качество ткани зэковской было и не совсем «того», но зато качеству кроя и шитья позавидовали бы и Зайцев, и Диор, и всякие прочие кутюрье. Да сама Клавка Шифер, увидь она Марфушу в прикиде эдаком, в тюрягу за грабеж бы села!..

Модельер с художником стали Марфу наряжать. А Васька вокруг них бегал, под руки лез, слёзно молил:

— Вы только колготочки розовые не снимайте! Они моей супружницей воняют!.. И потом... — Он вдруг остановился и, побледнев, еле вымолвил: —... нет же под ними ничего... ну, того, которое бабу бабой делает...

«Эге! А ведь в натуре!» — подумали все остальные и уныло опустили головы. Выходило так, что все это — одна видимость. И красота эта — как краска на холсте, сверху

БОРОДАВКА

СЕРГЕЙ БЕЛОБОРОДОВ

глаз радует, а под ней — ничего. Да даже если электронщик ее говорить научит, а то и думать — она все равно не женщина, а так... произведение искусства. Ведь суть-то женская, то, чем она влечет и манит мужика, в междуножии находится, а все остальное в ней навроде рекламы. Даже зэкам убогим, и тем без междуножия бабы не надо... Подобные мрачные мысли завладели всеми присутствующими.

И вдруг откуда ни возьмись — мясник зоновский. Выступил наперед и рукой махнул:

— А! Была не была! Мне для тёлки, для бабы то есть, ничего не жалко! Сегодня свинью завалил... — Он тяжело вздохнул, помолчал и промямлил: — Сейчас принесу причиндал главный...

И действительно принес, и даже самолично вставил. Правда, когда вставлял, попросил зэков:

— Братишки, вы хоть и зэка, но будьте людьми культурными — отвернитесь. Неприлично это — теперь уже настоящей бабе под юбку заглядывать.

И зэки отвернулись — по-культурному.

— Ну, все! Вставил. Не отличишь от настоящей. Выдержит всех, и сносу не будет, — довольный выполненной работой, сказал мясник, одергивая на Марфуше юбку.

Электронщик причипил последний чип как раз тогда, когда начался съём с работы. Зэки толпой вперлись в барак.

— Включай! Включай! — заорал на монтера Васька. Тот воткнул вилку в розетку. Лежавшая в томно-расслабленной позе Марфуша медленно подняла руку, слегка повела головой и... неподвижно застыла. Как обычно в это время, в целях экономии отключили электроэнергию. Впрочем, и одно лишь присутствие Марфуши произвело эффект разорвавшейся бомбы: несколько слабонервных упали в обморок, остальные стояли на полусогнутых.

О чем мечтает настоящий мужчина в расцвете лет, как не об идеальной женщине! А зэки — мужчины настоящие и большей частью именно в расцвете лет. И вот среди этих цветущих, но обиженных судьбой, бедных и одиноких мужчин вдруг засияла, как светлячок среди мрака ночного, Марфуша-краса длинная коса — венец искусства тюремного...

Первым рухнул на колени Васька Стопкин, за ним попадали остальные творцы-создатели. Прочие зэки, хоть и не соображая толком, что происходит, но видя перед собой явную бабу, кто также оземь ударился, кто в поклоне низком сгорбился, кто в страсти руки простёр. В едином порыве мужское желание из сердец вырвалось и к Марфушеньке понеслось. И то ли такой неимоверной силы было то желание взалкавших мужиков, то ли просто снова ток подали, но Марфушенька на кровати по-кошачьи выгнулась, с усмешкой снисходительно-понимающей зэков оглядела и, прищуря глаз, голосом прокуренным сказала:

— Братва, без кипеша! За киевскую «Приму» всех приму, но по очереди! Без бардака!

«Эх, все-таки надо было еще сопротивление в нее впаять! — подумал Васька, оказавшийся в очереди первым. — А то что же это за баба без сопротивления!..»

Не зря говорится: «Бодливой корове Бог рогов не дает». Вася Шлёпкин — наглядное тому подтверждение. Ибо в этом эталоне мужской красоты был дефект ужаснейший. Казалось бы, у такого супермена и член должен быть суперменский... Ан где там! Нетути! Мошонка, как и положено, болтается, а член... тю-тю, не проглядывается. Разве что волосню руками раздвинешь — тогда различишь там то ли бородавку, то ли чирей невыдавленный. Словом, никак не походил этот уродец на настоящий орган детородный. И сколько сердец из-за этого разбилось — не счесть. Много особей женских при первом удобном случае сами Шлёпкина в уединенное место тащили, сами раздевались на предмет отдаться, но... извините-подвиньтесь — отдаваться-то было нечему... В общем, оскорблял Шлёпкин женщин в самых лучших их чувствах. За это, в принципе, и сел. Одна тёлка на него губу раскатала: «Ну, — думала, — с таким красавцем потрахаюсь!» — а потрахаться-то не пришлось. Вот она его якобы за разврат и посадила...

Естественно, что при таком члене, а точнее при отсутствии оного, у Шлёпкина комплекс был и крыша по этому поводу слегка ехала. Очень ему хотелось нормальный орган иметь, и ради этого Вася на что угодно согласен был. На свободе то, что ты без органа, никому не видно: моешься дома в ванной один. Другое дело зона — место общественное, особенно в бане. Вообще-то зэки — люди воспитанные, на члены товарищей по несчастью не смотрят. Да и чего там смотреть, если и так видно. Но вот когда не видно — тогда рассмотреть пробивает. Рассмотрели, посмеялись сочувственно. После этого слух по зоне пошел. Дошел и до лепилы*, а точнее — до шныря, который в медчасти полы мыл, а когда-то на свободе хирургом работал. Пригласил тот Шлёпкина к себе в сортир — там у него вроде как кабинет был.

— Снимай штаны, показывай!

Васька штаны снял, стеснительно показал непоказуемое, но на лепилу посмотрел с надеждою.

Лепила головой покачал, за ухом поскреб.

— И сколько же в нем сантиметров в состоянии возбужденном?

Васька судорожно сглотнул слюну.

— Пять... — прошептал едва слышно, приврав на полсантиметра.

— Редкий случай, — насупившись, сказал лепила. — Но будем наращивать.

— И есть надежда? — Васька молитвенно сложил руки.

— Мы — зэки! А голь на выдумки хитра! — авторитетно заявил лепила, вытирая скальпель половой тряпкой.

Перед операцией, для обезболивания, чифира по-колымски хапанули. Облив член остатками чифира, здесь же, в сортире, сидящему на унитазе Ваське лепила ввел в член изрядную дозу парафина. Обмывая разбухший орган слабым раствором хлорной извести и кривясь от боли, Васька поинтересовался:

— А какого эффекта можно ждать от операции?

— Эффект превзойдет все твои ожидания! — ответил лепила и все той же тряпкой вытер вспотевший лоб.

Много страданий пришлось перенести Василию: парафин вгоняли, кожу пересаживали, вокруг головки, как патронташ на охотнике, шары пластмассовые вмастырили, за шарами шпалы поперечные — две сверху, две снизу — поставили. Под уздечкой, внизу, ко-

* *Лепила* — врач.

лечко вживили, чтобы к нему причиндалы разные, соитие улучшающие, привязывать.

— На члене бородавка — влагалищу добавка! — довольный своей работой, изрёк лепила во время последней операции, устанавливая нагревательно-осветительный элемент.

Васька чисто по-дилетантски поинтересовался:

— А зачем члену освещение и подогрев? Ведь он и без света не заблудится, да и в дырке-то не холодильник вроде...

Лепила оторвал кусочек газеты, натряс в него табака из окурков, свернул, закурил. И, попыхивая самокруткой, мудрые слова Шлёпкину сказал:

— Васек, ты женскую особь красотой своей привлекаешь, и, естественно, от члена твоего она ждет чего-то невероятного, дух захватывающего. Она волшебства хочет, а шарами да шпалами нашу бабу уже не удивишь... А вот подогрев, да с освещением, — это, я скажу тебе, экстра-класс! Ты только представь себе: ночь, в комнате темнота, а над тобой светлячок мерцает, и на этот твой светлячок слетается женская особь, а ты их не снаружи, а внутри греешь, греешь, греешь!..

— Потрясающе! — в восторге прошептал Шлёпкин. — Так, может, туда и душ провести?

Лепила погрозил пальцем.

— Это уже будет излишество. Ты их семенем своим омоешь...

Освободился Шлепкин, приехал домой — и сразу Машке позвонил, похвастаться не терпелось. Машка — бестия хитрая: «Я, — говорит, — тебя за душу твою люблю, а не за член», — но отдавалась всегда по первому требованию и садилась именно на член, а не на душу. В квартиру влетела и прямо с порога в кровать прыгнула. А в прыжке том не только раздеться успела, но и ноги раздвинуть.

— Любимый! — кричит. — Истосковалась я! Приди, обогрею!

— Я тебя щас сам обогрею! Погляди-ка, какой ширпотреб искусства тюремного мне лепила сделал! — отвечает Вася и агрегатом своим, как светофором, подмигивает.

Чем дольше Машка на тот ширпотреб смотрела, тем больше сдвигались ее ноги, а улыбка на лице в гримасу отвращения превратилась.

— Я, — говорит, — с такими поездами со светофорами не трахаюсь! У меня не метро, чтобы с лампочками... — Встает, одевается — и на выход.

— Куда же ты? — Васька кричит. — У меня еще и отопление есть!

А Машка ему из-за двери: — Я не айсберг! Я и без батарей разогреваюсь...

Васька только плечами пожал. «Хрен их поймешь, этих баб! Ей такой благоустроенный член со всеми удобствами предлагают, а она... Эх!.. А не позвонить ли проститутке по вызову?..» — пришла в голову шальная идея — и Васька позвонил. Проститутка по вызову — это вам не скорая медицинская помощь и даже не пожарная охрана с милицией.

Время для нее — деньги. Через пять минут как штык явилась.

— Я вот тут... — начал Василий, смущаясь и заикаясь. — Я к вам как к специалисту... к профессионалу... Кому, как не вам, которая, можно сказать, на членах зубы проела... В общем, прошу объективно и непредвзято испытать меня на себе и дать всестороннюю оценку... — Он запнулся, умолк и, склонив голову, спустил штаны.

Надо сказать, что в комнате стоял полумрак, а тут такое дивное свечение возникло...

Профессионалка восхищенно всплеснула руками.

— Ну-ка, ну-ка! — все больше изумляясь, произнесла она, затем усадила Шлёпкина на кровать, а сама присела перед ним на корточки. Долго сидела она, не спуская глаз с Васькиного агрегата, — и пальцами его нежно гладила, и в колечко ленточку вдевала, и прочность на зуб испытывала, и на вкус пробовала...

Наконец Васька не выдержал.

— Ну как? — спросил он. — Не стыдно с таким органом к женщине подойти?

— Да ему же цены нет! — Проститутка исступленно стукнула себя членом по лбу. — Да я тебе бесплатно дам! — вскричала она, срывая с себя одежду и залезая на Ваську.

Васька включил отопление.

— Вот это сауна! Вот это банька! Ну жара! — кричала проститутка, покрываясь потом. И казалось Ваське, что из ее открытого рта пробивается победный свет лампочки Ильича. Шары катались, шпалы постукивали, отопление работало на славу, так что вскоре у проститутки и пар изо рта пошел. Она извивалась, дергалась, захлебывалась стоном. — Я себя жарящимся шашлыком чувствую! Сейчас кончу — и можно будет обгладывать. Ты только соусом меня сильнее полей!..

А надо вам сказать, что Ваське все эти парафиновые вливания и прочие операции в смысле чувствительности ничего хорошего не дали. Напротив, член как деревянный стал — никакого наслаждения! Он видел, что на нем сидит и раз за разом оргазмирует женщина, но ему самому — как об стенку горохом. Мало того: чем дольше совокуплялся, тем больнее становилось. Если б не искусственная арматура, член бы давно где-то в мошонке спрятался. От дикой боли уже орать хотелось. А проститутка знай свое стонет:

— Я — шашлык! Жарь меня, жарь!.. Жарь меня, жарь!..

Вдруг что-то булькнуло, вдруг что-то потекло, что-то покатилось, шарами застучало. Проститутка задымилась и, успев еще выкрикнуть: «Вызывай пожарных!» — свалилась в экстазе. Васька в испуге сел и уставился на свой член, вернее — на то место, где он был. Из волосни торчала красная бородавка, рядом валялись причиндалы искусственные...

«Эх ма! — горестно вздохнул Шлёпкин. — Налепил лепила!.. А такой член был — шедевр на выставку! Жаль, пользоваться им оказалось нельзя... Да и то, экспонаты руками не трогают, издали любуются. Придется опять к Машке со своей бородавкой идти!..»

Фото: Игорь МАТВИЕНКО

ПО ФЕ́НЕ БО́ТАЕШЬ?

Возможно, не все наши читатели поймут вынесенный в заголовок вопрос, хотя большинство наверняка если и не поймет, то догадается, о чем речь. Ну, а недогадливым поясним: «феня» — или «блатная музыка», или «стук по блату», или «рыбий язык», или «акцент» — это, изначально, специфический профессиональный жаргон уголовного мира, применяемый для общения так называемыми преступными элементами: ворами, грабителями, хулиганами, насильниками, скупщиками краденого и т. п. А поскольку в большинстве своем они рано или поздно попадают на определенный срок в «места, не столь отдаленные», то, естественно, приносят туда и этот свой «язык», где он обогащается новыми словами и выражениями, отражающими уже реалии тюремно-лагерного бытия, и вовлекает в свою орбиту все новые «контингенты» (в лице заключенных, не принадлежащих к «блатарям», а также служивого и вольнонаемного люда: администрации, охраны, обслуги и пр.), которые выносят этот жаргон за пределы мест заключения, и таким образом он становится достоянием более широкого круга людей. В еще более широкий мир несут «феню» освободившиеся «ЗК» (опять же, не только «блатари») и вот так она, эта самая «феня», постоянно проникает в общенародную сферу общения, где, частично ассимилируясь, в конце концов становится «органической составной частью национального русского языка», — это уже цитата из вполне серьезной лексикографической работы, с которой нам предстоит познакомиться.

Все сказанное в той или иной степени применимо и к другим языкам, имеющим свои жаргоны подобого рода (французскому, английскому, немецкому, польскому и др.), однако наиболее тотальное проникновение и внедрение «блатной музыки» в общенародную речь произошло за семьдесят с лишним лет существования «великого, могучего» Советского Союза, неузнаваемо изменив, донельзя изуродовав «великий и могучий, правдивый и свободный» русский язык, каким он был, по определению И. С. Тургенева, к началу нашего столетия. Этому, конечно же, «поспособствовало» в первую очередь то, что в результате октябрьского переворота 1917 года к власти пришли если и не откровенно уголовные, то уж несомненно близкие им по духу деклассированные элементы во главе с фанатичными макиавеллистами-«паханами» Лениным, Троцким и Сталиным, постепенно превратившие необъятную страну в сплошную «зону», огромный концлагерь. Кстати, концентрационные лагеря отнюдь не были «изобретением» Гитлера, как нам это много лет внушалось, — их «учредил» своим декретом «великий гуманист» Ленин еще в 1918 году, а не менее «великий гуманист» Сталин покрыл ими всю территорию большевистской империи. Подвергая жесточайшим незаконным репрессиям и посылая почти на верную смерть в лагерях десятки миллионов людей, ни в коей мере не являвшихся преступниками, «власть трудящихся» объявляла их врагами народа, тогда как истинные преступники — убийцы, грабители, насильники, — даже отбывая заслуженное наказание, никогда не считались «социально чуждым элементом» и зачастую с молчаливого попустительства лагерного начальства верховодили в «зонах», всячески издеваясь над «политическими». Так мудрено ли, что и так называемая советская литература, начиная с основоположника «социалистического реализма» Максима Горького, была склонна с явным сочувствием изображать преступные элементы? На это одним из первых обратил внимание многолетний узник «черной» сталинской Колымы поэт Варлам Шаламов в своих «Очерках преступного мира», назвав, кроме Горького («Челкаш», «На дне»), еще целый ряд писателей 20—30-х годов, отдавших дань романтизации уголовников: И. Бабеля («Одесские рассказы»), Н. Леонова («Вор»), В. Каверина («Конец хазы»), Н. Погодина («Аристократы») и др. И надо сказать, что упомянутые произведения, а затем и более близкий нам по времени неудержимый поток «милицейско-уголовных» детективов и лагерных воспоминаний, а также, особенно в последнее время, свободное распространение блатного фольклора и многочисленных стилизаций под него стали еще одним мощным источником «подпитки» русского языка «блатной музыкой».

Стоит отметить, что другие языки народов бывшего СССР, в частности и украинский, сия горькая чаша если и не совсем миновала, то задела лишь краем. Дело в том, что так называемый «архипелаг ГУЛАГ» в этническом, а стало быть, и в языковом отношении представлял собой невиданный дотоле конгломерат, своего рода «вавилонскую башню», и коль скоро средством внутрилагерного общения становилась все та же русская «феня», то она же выступала и как средство общения межнационального, лишь в малой степени ассимилируясь другими языками. Чтобы выжить в жестоком окружении «вертухаев» и «блатарей», ее вынуждены были осваивать и люди, весьма далекие от преступного мира, более того — его прямые антагонисты. К примеру, истинно верующий христианин и прирожденный интеллигент Димитрий Панин, заслуженный «старожил» ГУЛАГа, ставший прототипом одного из героев романа А. Солженицына «В круге первом», в своих записках «Лубянка—Экибастуз» объясняет это следующим образом: чтобы иметь возможность дать должный отпор агрессивным «блатарям», надо было уметь говорить с ними на их языке (иными словами, «с волками жить — по-волчьи выть»). А нынешний академик-словесник Дмитрий Лихачев, чей многолетний стаж «советского каторжанина» начался еще в «ленинских» Соловках, даже опубликовал в 1935 году, в недолгом перерыве между «сроками», специальное исследование «Черты первобытного примитивизма воровской речи».

Весьма примечательно, что если самый первый опыт создания словаря русской «фени» (В. Трахтенберг, «Блатная музыка. Жаргон тюрьмы», СПб, 1908) насчитывал всего 400 слов и выражений, то одно из современных подобных изданий, увидевших свет на Западе, — «Словарь Арго ГУЛАГа» Брони Бен-Яков (Франкфурт-на-Майне, 1982) — содержит уже около 1200 лексических и фразеологических единиц. «Прирост» довольно солидный. Да и сегодня, после краха и распада «великого, могучего», в наше «постперестроечное» время вместе с не подвластным никакой власти стремительным ростом преступности «родимая феня», а с ней и наша речь, повседневно пополняется самоновейшими понятиями: «фирмач», «качою», «кидала», «путана», «киллер» и т. д., и т. п.

Так что же, «ботаем» ли (т. е. говорим ли) мы по «фене»? Увы, зачастую — да. Ведь когда мы, ничтоже сумняшеся, «оживляем» свою речь такими уже привычными словами и выражениями, как «подзалететь», «поддать», «катить бочку», «брать на испуг», «балдеть», «вешать лапшу на уши», «лажа», «до лампочки», «полный ажур», «беспредел», то иногда даже не подозреваем, что первоисточником их является все та же «феня».

В отличие от прочих, сравнительно узких, профессиональных жаргонов (дореволюционного воровского, студенческого, военного, спортивного и др.), современная «блатная музыка» давно переросла свои изначальные рамки и охватила многие сферы повседневного человеческого бытия, в том числе и сугубо интимную. Поэтому мы и предлагаем вниманию наших читателей несколько адаптированную тематическую подборку из словаря В. Быкова «Русская феня» (2-е изд., Смоленск, 1994), увидевшего свет с «благословения» трех маститых рецензентов — докторов филологических наук из Москвы и Санкт-Петербурга. Каждая словарная единица иллюстрируется примерами из живой речи, из художественной литературы и советской периодики 70—90-х годов. Здесь вы также обнаружите немало такого, что вошло в нашу повседневную речь, — и недаром на слово «феня» дан такой пример: «Да феню сейчас почти все знают, и все ботают».

В.М.

ГУСТАВ ГЕРЛИНГ-ГРУДЗИНСКИЙ
ИЗ КНИГИ „ИНОЙ МИР“

Автор этой книги, с горькой иронией названной в подзаголовке «советскими записками», — один из десятков тысяч поляков, оказавшихся в начале второй мировой войны, сразу же после «освобождения» западных областей Украины и Белоруссии, на территории Советского Союза, а вскоре — и в далеких северных лагерях ГУЛАГа. Вдоволь отхлебнув из этой горькой чаши, он попал на фронт, в польскую армию Андерса, а после войны стал известным журналистом и писателем. Его правдивые и волнующие воспоминания написаны в 1951 году и впервые опубликованы в Париже лишь через пятнадцать лет; их русский перевод увидел свет в Лондоне еще через двадцать лет, в 1986-м.

Предлагаем вниманию читателя три небольших фрагмента, повествующих о «лагерной любви».

НОЧНАЯ ОХОТА

Лежа на верхних нарах, я разглядывал 42-ю «международную» бригаду, в которую меня определили. Восемь лучших мест в углу барака занимала дружная шайка урок во главе с рябым бандитом Ковалем. Остальные — сборище коммунистов со всей Европы и один китаец.

Незадолго до полуночи Коваль, лежавший на животе у окна, прилипнув лицом к стеклу, вдруг спрыгнул с нар и несколькими рывками разбудил своих товарищей. Вскоре все восьмеро собрались возле оттаявшего квадратика, отрывисто перешептываясь, понаблюдали зону, а затем тронулись к выходу. Все это продолжалось не дольше минуты — я на это время прикрыл глаза и раза два глубоко вздохнул, словно во сне. В бараке царила полная тишина, на двухъярусных нарах лежали вповалку, не раздеваясь, зэки, жадными глотками вдыхая разогретый воздух. Едва последний урка исчез за дверью, я перевернулся на живот и быстро продышал маленькое отверстие в ледяном наросте на стекле.

Метров за сто от нашего барака зона опускалась пологой впадиной и снова подымалась далеко позади, за проволочными ограждениями. Соседние бараки стояли только по краям впадины, заслоняя вахту и всю верхнюю часть зоны. Дно впадины сравнительно хорошо бы-

„РУССКАЯ ФЕНЯ“
О САМОМ ЗАВЕТНОМ

АКРОБ**А**Т — педераст. // Трус не одному акробату очко порвал, во был глиномес!

АНУС — то же, что *Акробат*. // Среди зэков разные ж есть. Кто матерится через слово, кто более-менее держится. Опущенных пидорами зовут, анусами.

БАЛД**А** — мужской половой член. // Один кент хвалился, что на балде чайник с водой держать может!

БАЛД**У** ГОН**Я**ТЬ — онанировать. // Куда-то мы перлись, уже не помню, хумозник какой-то затраханный прямо на улице балду гоняет!

БАНЖ**И**ХА — вокзальная проститутка. // Подваливает банжиха — сигаретку стрельнуть. От винта!

Фото: Елена МАРТЫНЮК

БАРАТЬ, ПОБАРАТЬ — сношать. // Да барал я вас всех в грызло, шалупонь задрюченная! Вы на кого баллон катите?
БАРУХА — сожительница. // Манок опять к барухе колоться начнет, а мне что, сопли жевать сидеть?
БАТОН — полная женщина. // Ладно, пошли! На этот батон у тебя ножик маловат.
БИКСА — то же, что *Баруха*. // Кантуется у какой-то биксы, что ль?
БОЛТ — мужской половой член большого размера. // У него на болту наколка какая-то была, потому и в бане в трусах мылся.
БОРТА — женские бедра. // Бортами его, бортами, да подмахни покрепче, я его влет вдарю... (*Из анекдота*).
БОРТАНУТЬСЯ — тайно сделать аборт. // Скажи, или пусть бортанется, или я ей трубки перевязать заставлю.
БРАТЬ — заниматься оральным сексом. // Алка подсасывает клёво. — Что, берет, что ли? А целку строила из себя!
БРАТЬ ЗА НОЧЬ — взымать плату за сексуальные услуги. // Сколько эта чува за ночь берет? — Сама доплатит, только заходи...
БРАТЬ НА ПЕРЕДОК — соблазнять мужчину. // Машка, шкуреха, на передок берет! — А что, передок, видать, не слабый!
БРАТЬ НАТУРОЙ — заставлять расплачиваться телом, сексом. // Расплачиваться будешь деньгами или натурой? — А он что, черт кривой, еще и натурой берет?
БРОСАТЬ ПАЛКУ — совершать половой акт. // Ну, сколько ж ты палок за ночь бросаешь?
БУЁК — половой акт. // По весне щепка на щепку лезет, все в буёк поиграть не прочь... Особенно молодые.
БУЛКИ — ягодицы. // Зверек кипешнул. Сержант, заряжая очередной раз для скорости в бочину, попал слишком низко и ударил его по булкам — в ягодицу. Этого кавказец выдержать не мог.
(*«Лит. газета», 13.02.91*).
БУФАРЬ — женская грудь. // За буфарь, небось, не держался ни разу, шнурок! А возьмешься, так и кончишь враз!

ВАРЗУХА, ВЕРЗУХА — задница. // Приподними варзуху и в лавку сгоняй, жрать охота.
ВАФЛЁР — мужчина, пассивно занимающийся оральным сексом. // «Активные» у них в чести, а «пассивные» презираются. Как их только не величают: петухи, пидоры, Люськи... «Вафлёр» — это кто в рот «берет», миньетчик.
ВАФЛЯ — 1) мужской половой орган. // Закрой поддувало! А то вафля влетит! — 2) процесс орального сношения. // Чего вылупилась? Вафлю, что ль, хочешь?

ло видно только с верхушки ближайшей вышки, но если часовой сидел лицом к лагерю, опираясь на стенку смотровой башенки, то видел лишь дальний склон.

Со стороны больницы через опустелую зону к женскому бараку шла рослая девушка. Если бы она хотела сократить путь, чтобы не идти прямо под ограждением, ей пришлось бы наискосок пересечь передний край впадины.

Восемь теней бесшумно разбежались по левому краю над склоном и стали заставой у выходов поперечных дорожек, за углами изогнутых дугой бараков. Девушка шла прямо в центр этой заставы. В тишине погруженного в сон лагеря начиналась ночная охота.

Теперь девушка шла по тропинке на уровне нашего барака, по бедра заслоненная сугробами. Издалека было видно только, что она широкоплечая и что ее круглое лицо повязано платком, конец которого развевался сзади, как хвост воздушного змея. Она еще не дошла до поворота, как из-за угла вынырнула первая тень и заступила ей дорогу. Девушка вздрогнула, остановилась и негромко вскрикнула. Тень ловко подскочила, одной рукой схватила ее за шею, другой заткнула рот. Девушка отклонилась назад и, оторвав левую ногу от земли, ударила согнутой коленкой в живот напавшему, а обеими руками вцепилась ему в подбородок, изо всех сил отталкивая от себя громадную рожу в ушанке. Тот произвел левой ногой ловкое серпообразное движение и изо всех сил сделал ей подсечку. Они оба свалились в сугроб, и в тот самый момент остальные семеро прибежали на помощь товарищу.

Они поволокли ее, держа за руки и за голову с распустившимися волосами, на дно впадины, на заваленную снегом скамейку, спинка которой виднелась черной полоской метрах в двадцати от барака.

Первого она встретила, яростно дергая внезапно освободившимися от железной хватки ногами, но скоро опять затихла, придушенная задранной на голову юбкой и огромной лапой Коваля, прижимавшей ее голову сквозь материю к сиденью скамейки. Первый одним коленом пригвоздил ее правую ногу к спинке, а другое прижал к внутренней стороне повисшего в пустоте бедра, которое клещеобразным движением пыталось задвинуться, словно засов. Тем временем, как двое по бокам держали ее за руки, первый, наклонившись, сдирал с нее трусы и расстегивал на себе брюки. Вскоре ее тело уже конвульсивно задвигалось, так что Ковалю пришлось в такт неровных судорог слегка отпускать растопыренный намордник ладони на ее голове.

Второму и третьему было уже легче; распалившись от внезапного спокойствия ее тела, они пытались нетерпеливыми руками разыскать в скомканном клубке юбки и рубахи ее грудь. Под четвертым ей, однако, удалось освободить голову от ослабевшей хватки Коваля, и в морозной тишине раздался короткий горловой крик, набухший слезами и приглушенный суконным кляпом. С ближайшей вышки послышался сонный голос: «Да вы что там, человеческого стыда у вас нет!»

Они стащили девушку со скамейки и, словно тряпичную куклу, поволокли за барак, к уборной. На склоне, видимом в отверстие в обледенелом окошке, стало пусто; только вокруг скамейки, по обе стороны дорожки, в отвесных стенках снега образовалась глубокая вытоптанная яма, напоминавшая по форме клумбу.

Примерно через час семеро вернулись в барак. Сразу после этого я увидел в мой «волчок» Коваля, провожавшего девушку в женский барак. Она шла медленно, спотыкаясь и сбиваясь с дорожки, наклонив голову набок и скрестив руки на груди, а крепкая рука Коваля поддерживала ее в талии.

Вечером следующего дня Маруся пришла к нам в барак. У нее еще были засохшие ссадины на лице и синяки под глазами, но выглядела она красиво — в цветной юбке и вышитой белой блузке из чистого льна, под которой свободно колыхались большие, как два круглых хлеба, груди. Как ни в чем ни бывало, она села на нары к Ковалю спиной к осталь-

ным уркам и, прижавшись к нему, что-то нашептывала ему на ухо, со слезами на глазах целовала его рябое лицо и руки. Коваль сидел сначала насупившись и из-под низкого лба украдкой смущенно поглядывал на своих товарищей, но в конце концов смилостивился. Она осталась на ночь, то и дело вырывая нас из лихорадочно-напряженного сна словами самой нежной любви, перемежавшимися с болезненными вскриками и мерным пыхтением Коваля. Из барака она выскользнула перед рассветом, а за ней шатко и осторожно ступал ее поглупевший и очумевший возлюбленный. С тех пор она приходила каждый день и не раз по вечерам пела сильным голосом, под конец каждой фразы переходившим в визгливое причитание, «На закате ходит парень возле дома моего» и «Хорошо тому живется, кто с молочницей живет». Она стала лагерным водовозом, и мы все полюбили ее широкое, раскрасневшееся от мороза лицо, развевающиеся по ветру светлые волосы и раздутые ноздри, когда она, сидя верхом на бочке и упираясь носками валенок в передок саней, погоняла лошадь громким щелканьем кнута или резкими подергиваниями вожжей. За зоной, куда ее выпускали по воду без конвоя как «бытовую», она иногда доставала яркие картинки или узоры из цветной бумаги и вечером украшала ими грязную стенку над нарами своего любимого.

В бригаде, между тем, с той памятной ночной охоты все пошло кувырком. Коваль ходил на работу отуманенный и сонный, его кривые ноги сгибались под тяжестью груза, он часто пропускал свою очередь, а пару раз даже свалился с мостков. Китаец Ван однажды во время перекура намекнул, что надо бы «один лошадь в упряжке сменить», но семерка урок пригвоздила его возмущенными взглядами. Однако мы заметили, что и они смолкают и презрительно усмехаются каждый раз, когда Коваль подходит к ним покурить. Так и пошло: он держался в стороне, ел один, из отдельного котелка, а после ужина натягивал купленные у меня за хлеб офицерские сапоги, надевал праздничную украинскую рубашку и ложился с цигаркой на нары, слушая, не донесется ли с дороги к кухне плеск воды в последней дневной бочке.

Однажды вечером, когда Маруся, никогда ни с кем в нашем бараке не разговаривавшая, сидела, как обычно, возле Коваля, обняв его за пояс, один из урок легонько толкнул ее в спину и что-то ей сказал. Девушка медленно расцепила переплетенные пальцы, обернулась и прошила его ненавидящим взглядом; потом вдруг рванулась всем телом вперед и, сверкнув глазами, как смертельно раненный зверь, плюнула ему прямо в лицо. Ослепленный урка отшатнулся, вытер рукавом лицо и, растопырив два пальца правой руки, изготовился к удару. Но в этом момент Коваль кинулся на него с нар, как ястреб. Они схватились, а когда их растащили, на Коваля исподлобья глядели семь пар враждебных глаз. Он повернулся к забившейся в угол Марусе, одернул на себе порванную рубаху и голосом, от которого по коже шли мурашки, процедил сквозь стиснутые зубы: «Ложись, сука, и раздевайся, а то удушу! — А после этого к товарищам: — Берите, братва».

Первым подошел оплеванный. Маруся принимала их, не сопротивляясь, мягко разводя бедра, кладя ладони на вздымающиеся и опускающиеся ягодицы и не защищаясь даже тогда, когда они слепо бегающими руками мяли ей грудь. Ее широко раскрытые глаза на свисавшем с нар лице только упорно всматривались в сидевшего у стола Коваля, а бледные губы шептали: «Прости, Тимоша, прости». Когда она, выходя из барака, еще раз бросила на него взгляд, полный безграничной, растоптанной любви, Коваль не двинулся с места. После того, как она ушла, в бараке еще долго стоял острый запах пота, спермы и хвои...

Через три дня Маруся сама попросилась на этап в другой лагерь, а среди восьми урок в бригаде вновь воцарилось согласие, не нарушаемое ни одним проблеском человеческого чувства.

ВГАРН**У**ТЬ — 1) ввести половой член во влагалище. // В кусты к озеру ее завел, раздел, а вгарнуть не дала. По секелю елдой поводил, и вся любовь! — 2) совершить половой акт. // Вгарнуть бы, говорю, вам! Ваши б ножки — да мне б на шею!

ВЗЯТЬ НА КЛЫК — совершить оральный акт. // Очко заиграло? Или на клык хочет взять?

ВИТР**И**НА — то же, что *Буфера*. // Ходит, витрину вперед, стерва, аж с конца капает!

ВСТОЯК**А** — стоя. // Говорят, сама предложила. Так они ее прямо возле общаги встояка отхарили. Сначала вдвоем, потом еще один подвалил. Она видит, что дело пахнет керосином, — и ходу оттуда!

ГАЛ**О**Ш — презерватив. // Тебе галош ни один не налезет, если только безразмерный.

ГАНД**О**Н — презерватив. // И выполз я на балкон слегка одетый... в одном гандоне.

ГИТ**А**РА — женский половой орган. // Нинка-коблиха гитару развалила, я чуть не задохнулся.

ГЛАЗ ПОЛОЖ**И**ТЬ — понравиться, приглянуться. // — Я на эту дырку глаз положил. — Брось, грязная баба!

ГЛИНОМ**Е**С — активный педераст. // Глиномесов на зоне хватает, только очко подставляй!

ГОЛУБ**Е**Ц — гомосексуалист. // Жаркий голубец дрючит, а холодного — дрючат.

ГОЛУБ**О**Й — то же, что *Голубец*. // Я уже долгое время замечаю, что, стоит развернуть любой журнал или газету, обязательно ткнешься в статью о так называемых «гомиках», или, как их еще называют, «голубых». (*«Огонек», 1990, № 16*).

ГР**Е**БЕНЬ — пассивный педераст. // Как известно, педерастами (они же козлы, петухи и гребни) в лагере считают только пассивных гомиков... (*Э.Кузнецов, «Дневники»*).

ГР**Я**ЗНЫЙ, ГР**Я**ЗНАЯ — больной, больная венерической болезнью. // Среди негритосов грязных полно, в два счета схватить можешь.

ГУМ**О**ЗНИК, ГУМ**О**ЗНИЦА — то же, что *Грязный, грязная*; // Фиксатый — гумозник, у кожника лечился. Что он ему вылечит?

ДАВ**А**ЛКА — 1) гулящая. 2) женский половой орган. // Я б дала, да давалка не выросла...

ДАВ**А**ТЬ, ДАТЬ — отдаваться. // Песенка есть про Зиночку. Как там, погоди... «Я ножки сжала, я не давала. Мяч пролетел, я проиграла».

Д**А**МА — то же, что *Гребень*.

Д**А**МКА — женщина легкого пове-

на стр. 22 →

Сломленные голодом

Из моих лагерных наблюдений следует, что женщины куда тяжелее переносят обычный и половой голод, чем мужчины. Посему простой закон лагерной жизни гласил, что, сломив упирающуюся женщину голодом, ты удовлетворяешь обе ее потребности одновременно. Я говорю об этом без всякого цинизма. И если вообще имеет какой-то смысл вспоминать обо всем, что творилось в советских лагерях в те годы, то следует забыть о прицепах общепринятой морали...

В защиту женщин стоит, пожалуй, сказать, что лагерная «мораль» (как, впрочем, это бывает со всякой моралью) выработала и свое собственное лицемерие. Так, например, никому бы в голову не пришло хоть в чем-то обвинить молодого парня, который ради облегчения своей участи стал любовником старой врачихи, — но красивая девушка, отдающаяся с голоду отвратительному старику из хлеборезки, была, разумеется, «блядь». Никто не рассматривал как «проституцию» общепринятый обычай почти всех бригадиров и техников каждый месяц являться в Третий отдел и оплачивать свой пост доносами, — но женщина, выходившая за зону к «начальничку», была «проституткой», притом самого худшего толка, ибо она нарушала зэковскую солидарность по отношению к вольным. Считалось делом естественным, что новоприбывший заключенный отдавал бригадиру остатки своей вольной одежды, чтобы получить некоторые льготы при расчете выполнения нормы (от чего зависела норма лагерного питания), — но многих возмущало, что несчастная девушка, сгибающаяся под тяжестью топора на лесоповале, в первый же или во второй вечер отдавала бригадиру все, что имела, то есть собственное тело...

Через несколько недель после моего прибытия в лагерь, — если не ошибаюсь, в январе 1941 года, — тюремным этапом пришла молоденькая полька, дочь офицера из Молодечно. Она была действительно хороша собой: тонкая и гибкая, как колосок на ветру, со свежим девическим личиком и маленькой грудью, едва очерчивавшейся под темно-синей блузкой гимназической формы. Урки обсудили дело и оценили «молодую кобылку» весьма высоко; они сразу стали называть ее, — вероятно, чтобы еще больше распалить свой пролетарский аппетит, — «генеральской дочкой». Но девушка держалась великолепно: она выходила на работу с гордо вскинутой головой и каждого мужчину, который посмел к ней приблизиться, пронзала молнией гневного взгляда. Вечером она возвращалась в зону, несколько присмирев, но по-прежнему неприступная и скромно-высокомерная. Прямо с вахты она шла на кухню за баландой и потом, после наступления темноты, больше не выходила из женского барака. Было похоже, что ее не так легко поймать в западню ночной охоты, а возможность сломить ее голодом на работе затруднялась тем, что ее включили в смешанную женско-инвалидную 56-ю бригаду, которая на продуктовой базе перебирала овощи или чинила мешки. Я тогда еще не настолько знал лагерь, чтобы предвидеть, чем кончится эта тихая война, поэтому не колеблясь побился об заклад на половину хлебной пайки с инженером Поленко, заведующим овощным складом на базе, что девушка не сдастся. Вся эта игра возбуждала меня, так сказать, патриотически: я жаждал, чтобы бело-красные цвета гордо взвились на мачте победоносной добродетели. После семи месяцев тюрьмы у меня в голове еще и мысли не было о женщинах, и я всерьез был готов поверить угрозам следователя, обещавшего: «Жить будешь, но с бабой переспать не захочешь». Пользуясь своим положением грузчика, связанного по работе с урками, я непорядочно повел себя по отношению к Поленко и, представившись девушке студентом из Варшавы (чтобы это не выглядело мезальянсом), предложил ей фиктивный брак, который в рамках лагерной этики на какое-то время уберег бы ее от «облавы». Не помню уж теперь, что она ответила, но, должно быть, что-то вроде «Как вы смеете!» — и я это дело оставил. Поленко держал ее на овощном складе и бдительно надзирал, чтобы она не воровала подгнившую морковь и соленые помидоры из бочки. Примерно через месяц после того, как мы поспорили, он пришел вечером в наш барак и молча бросил мне на нары измятые женские трусики. Я отмерил ему с предельной точностью — и так же молча — полпайки хлеба.

С тех пор девушка совершенно переменилась, Она не спешила, как бывало, на кухню за баландой, но, вернувшись с базы, гоняла по зоне до поздней ночи, словно мартовская кошка. Ее имел кто хотел — под нарами, на нарах, в кабинках техников, на вещевом складе. Каждый раз, встречая меня, она отворачивалась, судорожно стискивая губы. Только раз, когда я, случайно зайдя на картофельный склад, застал ее на куче картошки с бригадиром 56-й, горбатым уродом Левковичем, она разразилась горькими рыданиями, а возвращаясь вечером в зону, прижимала к глазам два худых кулачка и еле сдерживала слезы. Я встретил ее в 1943 году в Палестине. Она была совсем старуха. Измученная улыбка на морщинистом лице обнажала выщербленные, гнилые зубы, а пропотевшая полотняная рубашка обтягивала отвислые, огромные, как у кормящей матери, груди.

ВОСКРЕСЕНИЕ

Наш «вольный» врач Егоров в 1939 году закончил свой восьмилетний срок в Круглице и принял должность начальника санчасти центрального лагпункта в Ерцеве. Высокий, худой, немногословный, с лицом, задубевшим, как кора, холодным взглядом и слегка нервными жестами, он со всеми лагерными медиками держался отчужденно, а к больным относился со строгостью, в которой пробивалась едва ощутимая нота сердечности. Стоило ему появиться на дороге, ведущей к санчасти, как дежурный врач принимался дрожащими руками приводить в порядок температурный лист, а сестра Евгения Федоровна бледнела от волнения. Говорили, что она-то и была единственной ниточкой, связывавшей Егорова с лагерным прошлым. Он познакомился с ней еще в Круглице, до освобождения, стал ее лагерным мужем и свое поступление на должность вольного врача центрального лагпункта, по слухам, поставил в зависимость от перевода Евгении Федоровны в наш лагерь. Во всяком случае, мне рассказывали, что она пришла этапом из Круглицы прямо с направлением к нам в санчасть через два месяца после назначения Егорова.

Эта связь была в лагере чем-то необыкновенным, ибо она держалась на подлинном чувстве и даже на верности. В принципе любой вольный служащий мог иметь женщину из лагеря за хлебную пайку, но немыслимо было, чтобы он отважился или захотел придать этой сделке эмоциональный оттенок. Женщины приходили и уходили, как волны этапов, — навсегда оставалась лишь возможность обладать ими без малейшего труда. Молодой и холостой лагерный служащий не сумел бы даже сосчитать и восстановить в памяти вереницу женских лиц, прошедших через его бревенчатую каморку в зоне. А тут в игру входило нечто большее — любовь или, по крайней мере, ее зачаточная форма. И хотя лагерные власти, зэки в зоне и зэки, работавшие в больнице, не могли питать никаких сомнений относительно того, чем были связаны эти двое, Егоров и Евгения Федоровна вели себя так, словно устойчивость их чувства зависела от того, будет ли оно окружено молчанием.

Евгения Федоровна иногда приходила вечером к нам в палату и, сев на край кровати старого актера Михаила Степановича, рассказывала о себе. Русская по отцу и узбечка по матери, она обладала исключительной красотой: узкое смуглое лицо, большие печальные глаза, черные волосы, по-старосветски расчесанные на прямой пробор и скрученные в небольшой пучок на затылке; и хоть ей наверняка было уже за тридцать, она сохраняла в фигуре и движениях девическую гибкость. Она училась в Ташкентском мединституте, пока ее не арестовали в 1936 году за «националистический уклон». В чем состоял этот «уклон», она толком не умела объяснить, однако из ее замечаний и смело выражаемых суждений я сделал вывод, что ей не слишком пришлась по вкусу руссификация Узбекистана, хотя она и была русской по отцу...

В этих разговорах она никогда не упоминала о Егорове; только однажды, описывая трудное начало своего заключения в Круглице, мимоходом проговорилась о том, что на пределе истощения ее вытащил с лесоповала и взял на работу в амбулаторию наш вольный врач, тогда тоже круглицкий зэк. По тому, каким тоном она это сказала, я почувствовал, что тайна, окружавшая ее связь с Егоровым, проистекала не только из потребности защитить частную жизнь: Евгения Федоровна ненавидела вольных и по-своему стыдилась этого нарушения лагерной солидарности. В присутствии Егорова она всегда старалась сохранить полное равнодушие, но, выходя в палату из дежурки, где только-что провела с ним несколько часов, избегала наших взглядов и опускала тяжелые веки на остекленелые глаза. Похоже было, что Егоров любил ее потому, что некогда был зэком и не хотел или не мог об этом забыть; она же если и отвечала на его чувства, то ровно по той же самой причине. «Все-таки это не может тянуться вечно, — не раз говорил я Михаилу Степановичу. — Для нее есть в этом что-то унизительное. Егоров навещает ее, как проститутку, а за зоной возвращается к иной, вольной жизни».

Через месяц после выписки из больницы я навестил Евгению Федоровну в один из дней, когда Егорова не было в зоне, и застал у нее Ярослава Р., студента Ленинградского политехнического института, который был арестован в 1935 году в связи с убийством Кирова. Они сидели на маленькой кушетке, обычно использовавшейся для осмотра больных, и глядели друг на друга так, что ни у кого не могло бы остаться никаких сомнений. В ее голосе, обычно таком сдержанном и решительном, теперь звучали нотки безграничной преданности, горящие глаза выражали счастье, никогда не встречающееся на лицах зэков. Потом я видел их летними вечерами в зоне — поговаривали, что Ярослав у Евгении Федоровны «на больничном котелке», но, на мой взгляд, это была любовь, самая чистая любовь, какую мне выпало увидеть в лагере. Да и не я один так думал. Михаил Степанович определил перемену, которая произошла в поведении и внешности нашей медсестры, словом *Воскресение*. В этом, наверное, была изрядная доля преувеличения, хотя в одном отношении это слово с исключительной точностью определяло суть дела: куда больше, чем возвращение к жизни в больничной тишине, заслуживал называться воскресением этот возврат к независимости чувств, такой резкий, что ставил на карту самое жизнь. Ибо для нас не было сомнений: одного слова Егорова было достаточно, чтобы Евгения Федоровна однажды утром вышла на поверку в составе бригады лесорубов.

Но Егоров как будто не замечал, что творится у него за спиной. Как и раньше, он приходил раз в два дня в лагерную больницу; как и раньше, медленным шагом шел вечером домой. И хотя ничто меня с ним не связывало, я был в этой молчаливой драме на его стороне. Мне казалось, что он переживает не только уход женщины, которую любил, но и отход от лагеря, к которому он, как это ни странно, привязался. О нем рассказывали, что на пятом году его срока от него отказалась жена. И вот теперь все, что связывало его с жизнью, сосредоточилось на дороге, которая вела из Ерцева-поселка через проволочное ограждение в Ерцево-лагерь. Мог ли он действительно вернуться на свободу — он, словно зачарованный неволей, как собака, привязанный к месту, где провел восемь тяжелейших лет жизни?..

Под конец лета Ярослава Р. совершенно неожиданно вызвали на этап в печорские лагеря — это означало, что Егоров попытался бороться. Но днем позже Евгения Федоровна тоже вызвалась на этап в любой другой лагерь за пределами нашего округа — это значило, что она не собирается сдаваться. Она, правда, получила отказ, но вскоре Егоров перестал приходить в зону. Кажется, он уволился и уехал работать в другой лагерь — точно никто ничего сказать не мог. Во всяком случае, мы его больше никогда не видели. А Евгения Федоровна в январе 1942 года умерла родами, дав жизнь детищу своей настоящей любви и заплатив собственой жизнью за свое недолгое Воскресение.

Перевод с польского
Натальи Горбаневской

Фото: Юрий ЮХАЦКОВ

СЕКСОДРОМ

НА НАШЕМ СЕКСОДРОМЕ ВСЕ ЖЕЛАЮЩИЕ — ПАРЫ ВЛЮБЛЕННЫХ ИЛИ ПРИНЦИПИАЛЬНЫЕ ОДИНОЧКИ — СМОГУТ УБЕДИТЬСЯ В СВОИХ ЗНАНИЯХ, ПРИОБРЕСТИ НОВЫЕ, ЧТОБЫ СО ВРЕМЕНЕМ ПРОВЕРИТЬ ИХ ПРАКТИКОЙ.

— НАСКОЛЬКО ВРЕДНО ДЛЯ ОРГАНИЗМА ДЛИТЕЛЬНОЕ ВОЗДЕРЖАНИЕ ОТ СЕКСА? ГОВОРЯТ, ОНО ПЛОХО СКАЗЫВАЕТСЯ НА ПОТЕНЦИИ.

— Мужчины, как, кстати, и женщины, вследствие длительного воздержания впадают в асексуальное состояние. То есть, они психологически отвыкают. Для того, чтобы пробудить призабытый вкус, почти всегда требуется определенное время. Молодым опасаться особо не стоит: в паре с внимательной возлюбленной сексуальность быстро вернется. А вот для пожилых мужчин даже месячные перерывы нежелательны: они грозят преждевременным прекращением сексуальной жизни.

— МОЙ МУЖ НАХОДИТСЯ В ДЛИТЕЛЬНОЙ ОТЛУЧКЕ, И Я ВЫНУЖДЕНА ПОЛЬЗОВАТЬСЯ ВИБРОМАССАЖЕРОМ. ПОСКОЛЬКУ ПОТРЕБНОСТЬ В СЕКСЕ У МЕНЯ БОЛЬШАЯ, ИНОГДА ДОВОЖУ СЕБЯ ДО ОРГАЗМА ПО 3—6 РАЗ ПОДРЯД. НЕ ПРИТУПИТСЯ ЛИ У МЕНЯ ВСЛЕДСТВИЕ ЭТОГО ИНТЕРЕС К МУЖУ КАК СЕКСУАЛЬНОМУ ПАРТНЕРУ? И НЕ ВРЕДИТ ЛИ ТАКАЯ ИНТЕНСИВНОСТЬ ЗДОРОВЬЮ?

— Вибромассажеры для того и придуманы, чтобы женщине и физически, и психологически легче было переносить длительное отсутствие мужа. Поддерживая таким образом свою сексуальность в форме, вы без особых проблем адаптируетесь к живому аппарату вернувшегося мужа. Вреда здоровью от вибратора при правильном использовании быть не должно.

— СЛЫШАЛ, ЧТО ЕСЛИ С УБИТОГО ИЛИ УСОПШЕГО СНЯТЬ КОЛЬЦА И ПЕРСТНИ, ЕГО ДУША НЕ СМОЖЕТ ПОКИНУТЬ ТЕЛО. ПРАВДА ЛИ ЭТО?

— У египтян и некоторых других народов Ближнего Востока существует поверье, что кольца и перстни предохраняют человека от злых духов — они как бы замыкают их в себе, когда те стремятся проникнуть в душу. Если же усопшего лишить всех драгоценностей, злые духи будут препятствовать душе покинуть тело.

— НЕДАВНО РАССМОТРЕЛ, ЧТО ГОЛОВКА ПЕНИСА ПО КРАЮ ИМЕЕТ ТЕМНО-СИНИЙ ЦВЕТ. МОЖЕТ БЫТЬ, ЭТО ПОСЛЕДСТВИЯ ОНАНИЗМА?

— Багровый оттенок венчика головки члена, вероятнее всего, обусловлен тонкостью кожи, через которую просвечивают венозные капилляры. Просто вы раньше не очень обращали на это внимание, поскольку достигали сексуальной разрядки более естественным способом. Если же потемнение доставляет вам неприятные ощущения, следует обратиться к врачу.

— ПРАВДА ЛИ, ЧТО ПО РУКОПОЖАТИЮ МОЖНО ОПРЕДЕЛИТЬ ХАРАКТЕР ЧЕЛОВЕКА?

— Скорее не характер, а определенные его черты. По наблюдениям психологов, если человек подает руку ладонью вверх, перед вами открытая, коммуникабельная и жизнерадостная натура. Если рука из положения ладонью вверх разворачивается на ребро, это свидетельствует о неустойчивости характера. Если рука подается ребром, ее владелец наполовину открыт, наполовину скрытен. Человек, подающий руку ладонью вниз, как правило, скрытен сам и настороженно относится к людям.

— МОЖЕТ ЛИ ЧЕЛОВЕК ВООБЩЕ ОБХОДИТЬСЯ БЕЗ СЕКСА?

— Это зависит во многом от причины воздержания, то есть, от психологического настроя личности. Одно дело, если вы находитесь в изоляции, не имеете возможности общаться с противоположным полом. Иное — если к воздержанию побудили религиозные или прочие мотивы. В любом случае сексуальная энергия, заложенная природой, ищет выход. И находит: то ли в мастурбации, то ли в активной деятельности различного рода — творчестве, политике, занятиях спортом, любимой работе.

— ПРАВДА ЛИ, ЧТО СЫРЫЕ КУРИНЫЕ ЯЙЦА УЛУЧШАЮТ ПОТЕНЦИЮ?

— Среди афродизиаков, то есть средств, влияющих на качество полового акта, сырые яйца не значатся. Хотя сами по себе они очень калорийны и содержат целый комплекс витаминов, которые укрепляют силы всего организма. Кстати, по этим характеристикам существенной разницы между яйцами сырыми и вареными нет.

— МОЙ МУЖ ТРИ ГОДА ПРОВЕЛ В «МЕСТАХ НЕ СТОЛЬ ОТДАЛЕННЫХ». НО ДЕЛО НЕ В ЭТОМ. ОН ТАМ ЗАСТУДИЛ ОДНО ЯИЧКО, И ТЕПЕРЬ ОНО ПЕРИОДИЧЕСКИ ПОБАЛИВАЕТ, ДАЖЕ ОПУХАЕТ. СПОСОБЕН ЛИ ОН ПОСЛЕ ЭТОГО ЗАЧАТЬ РЕБЕНКА?

— Если второе яичко у вашего мужа в порядке и нет других отклонений, способных повлиять на продолжение рода, можете не волноваться. Дети у вас будут.

СЕКСОДРОМ

ЗАНЯТИЯ НА СЕКСОДРОМЕ ПРОИСХОДЯТ ПОД ПРИСМОТРОМ ОПЫТНЫХ ТРЕНЕРОВ — ЛУЧШИХ МИРОВЫХ И ОТЕЧЕСТВЕННЫХ СЕКСОЛОГОВ. ЖДЁМ ВАШИХ ПИСЕМ.

— КАК ПРОВЕРИТЬ СУПРУГОВ НА СОВМЕСТИМОСТЬ?

— Для этого существуют тесты. Вам следует ответить на вопросы отдельно друг от друга, выбирая из предложенных вариантов наиболее подходящий.

1. Считаете ли вы, что в семье назрела необходимость выяснить отношения? (а — нет; б — да; в — выяснения результатов не принесут).

2. Можете ли вы задать друг другу любой, даже самый деликатный вопрос? (а — да; б — только при удобном случае; в — об этом не может быть и речи).

3. Считаете ли вы, что ваша половина о многом из того, что его (её) беспокоит, умалчивает? (а — нет, потому что вы в курсе всех его (её) дел; б — да; в — не знаете).

4. Можете ли вы разговаривать друг с другом о серьезных вещах в любое время? (а — да; б — не всегда; в — нет).

5. Вы продумываете формулировки, разговаривая друг с другом? (а — высказывая свое, всегда учитываете мнение партнера; б — да; в — нет, говорите все, что придет в голову).

6. Когда вы делитесь проблемами, не кажется ли вам, что вы слишком обременяете партнера? (а — нет, ведь он (она) всегда участлив(а); б — нет, ведь он (она) все равно не вникает в проблемы; в — да, так бывает довольно часто).

7. Принимает ли кто-либо из вас важное решение, касающееся другого, не советуясь с ним? (а — нет, вы все решаете вместе; б — вы обсуждаете вместе, но последнее слово каждый оставляет за собой; в — случается).

8. Не кажется ли вам иногда, что и хорошим и плохим вы чаще делитесь с друзьями, чем со спутником жизни? (а — нет, ибо свои проблемы легче обсуждать самим; б — иногда это случается; в — друзья всегда поймут лучше).

9. Не бывает ли так, что, слушая партнера, вы думаете о чем-то другом? (а — нет, обычно даете возможность высказаться; б — должны высказаться оба; в — непременно).

Теперь подсчитайте очки. За вариант а — ставьте себе 0; б — 1 балл; в — 2 балла. Суммируйте сначала каждый свои баллы, а потом — все вместе.

До 10. В вашей семье принято рассказывать о своих проблемах, и делиться с кем-либо нет необходимости, поскольку дома вас понимают лучше. Хотя сильно злоупотреблять сочувствием не стоит. **11—20 баллов.** Нельзя сказать, что в вашей семье совершенно не делятся друг с другом своими проблемами. Однако есть ряд вещей, которые можно и нужно обсудить, но вы этого не делаете. Необходимо обсуждать и то, чего вы ранее предпочитали не касаться. Иначе наметившееся отчуждение усилится, что может в конце концов привести к поиску партнера на стороне. **30—40 баллов** — такие показатели редки, поскольку брак обычно распадается. Если ваша семья еще держится и вы любите друг друга, постарайтесь найти пути к сближению.

— МОЖНО ЛИ ЗАРАЗИТЬСЯ СПИДом ПРИ ОРАЛЬНОМ СЕКСЕ?

— Бытует мнение, что слюна убивает ВИЧ-инфекцию, поэтому, мол, оральный секс безопаснее анального или вагинального. Действительно, риск заражения СПИДом во время орального удовлетворения в двадцать раз ниже, но полной гарантии безопасности нет. Если вы не очень уверены в партнере или хорошо его не знаете, лучше подстраховаться: мужчина должен надеть презерватив, а женщина — действовать достаточно осторожно, чтобы не прокусить тонкую резину.

— ЛЮДИ МНОГО ГОВОРЯТ О РАЗЛИЧНЫХ ПОЗАХ, НО НА ПРАКТИКЕ ЧАЩЕ ВСЕГО ПРИБЕГАЮТ К КЛАССИЧЕСКОЙ, ТАК НАЗЫВАЕМОЙ МИССИОНЕРСКОЙ. СТАЛО БЫТЬ, ЭТО НАИБОЛЕЕ СОВЕРШЕННАЯ ПОЗИЦИЯ?

— По мнению американского сексотерапевта Рут К. Вестхаймер, этой позе отдают предпочтение потому, что она позволяет людям общаться, видеть лицо друг друга. Но, несмотря на свою популярность, поза в положении мужчина сверху имеет несколько недостатков. Самый очевидный из них заключается в том, что во время фрикций пенис не имеет возможности стимулировать клитор в той мере, которая является достаточной для достижения оргазма. Руками мужчина тоже не может стимулировать клитор, так как должен опираться на них. Поэтому женщины редко достигают оргазма в миссионерской позиции. Во-вторых, подвижность женщины довольно ограничена и сводится чаще всего к ритмичным движениям туловищем вверх-вниз. В-третьих, если акт затянулся и мужчина устал, миссионерская поза особенно неудобна. В-четвертых, исследования показали, что напряжение мускулатуры рук и туловища мужчины, необходимое для поддержания приподнятого положения, снижает его способность контролировать эякуляцию. Это, в свою очередь, может обострить расстройства, связанные с преждевременным семяизвержением. Так что говорить о разнообразии сексуального репертуара надо. И не только говорить.

Рисунки: Вадим ШЕВЧЕНКО

Сергей Есенин

Все они убийцы или воры,
Как судил им рок.
Полюбил я грустные их взоры
С впадинами щек.
Много зла от радости в убийцах,
Их сердца просты,
Но кривятся в почернелых лицах
Голубые рты.

Этап, который шел на север по уральским деревням, был этапом из книжек — так все было похоже на читанное раньше — у Короленко, у Толстого, у Фигнер, у Морозова... Была весна двадцать девятого года.

Пьяные конвоиры с безумными глазами, раздающие подзатыльники и оплеухи, и поминутно — щелканье затворами винтовок. Сектант-федоровец, проклинающий «драконов»; свежая солома на земляном полу сараев этапных изб; таинственные татуированные люди в инженерских фуражках; бесконечные поверки, переклички, счет, счет, счет...

Последняя ночь перед пешим этапом — ночь спасения. И, глядя на лица товарищей, те, кто знал есенинские стихи, — а в 1929 году таких было немало, — подивились исчерпывающе точным словам поэта: «кривятся в почернелых лицах голубые рты». Рты у всех были именно голубыми, а лица — черными. Рты у всех кривились — от боли, от многочисленных кровоточащих трещин на губах.

Однажды, когда идти почему-то было легче или перегон был короче, чем другие, — настолько, что все засветло расположились на ночёвку, отдохнули, — в углу, где лежали воры, послышалось негромкое пение, скорее речитатив с самодельной мелодией:

— «Ты меня не любишь, не жалеешь...»

Вор допел романс, собравши много слушателей, и важно сказал:

— Запрещенное.

— Это — Есенин, — сказал кто-то.

— Пусть будет Есенин, — сказал певец.

Уже в это время — всего через три года после смерти поэта — популярность его в блатных кругах была очень велика. Это был единственный поэт, «принятый» и «освященный» блатными, которые вовсе не жалуют стихов.

Позднее блатные сделали его «классиком» — отзываться о нем с уважением стало хорошим тоном среди воров. С такими стихотворениями, как «Сыпь, гармоника», «Снова пьют здесь, дерутся и плачут», знаком каждый грамотный блатарь. «Письмо матери» известно очень хорошо. «Персидские мотивы», поэмы, ранние стихи — вовсе неизвестны.

Чем же Есенин близок душе блатаря?

Прежде всего, откровенная симпатия к блатному миру проходит через все стихи Есенина. Неоднократно высказанная прямо и ясно. Мы хорошо помним:

Все живое особой метой
Отмечается с ранних пор.
Если не был бы я поэтом,
То, наверно, был мошенник и вор.

Блатари эти строки тоже хорошо помнят. Так же, как и более раннее «В том краю, где желтая крапива» (1915) и многие, многие другие стихотворения... Настроение, отношение, тон целого ряда стихотворений Есенина близки блатному миру...

Нотки вызова, протеста, обреченности — все эти элементы есенинской поэзии чутко воспринимаются блатарями... В стихах Есенина они многого не понимают и непонятное — отвергают. Наиболее же простые стихи цикла «Москва кабацкая» воспринимаются ими как ощущение, синхронное их душе, их подземному быту, с проститутками, с мрачными подпольными кутежами. Пьянство, кутежи, воспевание разврата — все это находит отклик в воровской душе.

Они проходят мимо есенинской пейзажной лирики, мимо стихов о России — все это ни капли не интересует блатарей. В стихах же, которые им известны и по-своему дороги, они делают смелые купюры — так, в стихотворении «Сыпь, гармоника» отрезана

ВОРОВСКОЙ МИР

блатарскими ножницами последняя строфа из-за слов: «Дорогая, я плачу. Прости... прости...»

Матерщина, вмонтированная Есениным в стихи, вызывает всегдашнее восхищение. Еще бы! Ведь речь любого блатаря уснащена самой сложной, самой многоэтажной, самой совершенной матерной руганью — это лексикон, быт. И вот перед ними поэт, который не забывает эту важную для них сторону дела...

Каждое стихотворение «Москвы кабацкой» имеет нотки, отзывающиеся в душе блатаря; что им до глубокой человечности, до светлой лирики существа есенинских стихов! Им нужно достать оттуда иные, созвучные им строчки. А эти строчки есть, тон этот — обиженного на мир, оскорбленного миром человека — есть у Есенина.

Есть и еще одна сторона есенинской поэзии, которая сближает его с понятиями, царящими в блатарском мире, с кодексом этого мира. Речь идет об отношении к женщине. К женщине блатарь относится с презрением, считая ее низшим существом. Женщина не заслуживает ничего лучшего, кроме издевательств, грубых шуток, побоев...

И здесь нравственные принципы поэта вполне соответствуют тем правилам, которые освящены воровскими традициями, бытом: «Пей, выдра, пей!». Есенинские стихи о пьяных проститутках блатные знают наизусть и давно взяли их «на вооружение». Точно так же «Есть одна хорошая песня у соловушки» и «Ты меня не любишь, не жалеешь» с самодельной мелодией включены в золотой фонд уголовного «фольклора», так же, как:

Не храпи, запоздалая тройка,
Наша жизнь пронеслась без следа.
Может, завтра больничная койка
Успокоит меня навсегда.

«Больничная» койка воровскими певцами заменяется «тюремной»...

Фото: Александр Студия, Валерий СОЛОВЬЕВ

Настроения поэзии Есенина в некоторой своей части с удивительно угаданной верностью совпадают с понятиями блатного мира. Именно этим и объясняется большая, особая популярность поэта среди воров.

Стремясь как-то подчеркнуть свою близость к Есенину, как-то демонстрировать всему миру свою связь со стихами поэта, блатари, со свойственной им театральностью, татуируют свои тела цитатами из Есенина. Наиболее популярные строки, встречающиеся у весьма многих молодых блатарей посреди разных сексуальных картинок, игральных карт и кладбищенских надгробий:

Как мало пройдено дорог,
Как много сделано ошибок.

Коль гореть, так уж гореть, сгорая,
Кто сгорел, того не подожжешь.

Ставил я на пиковую даму,
А сыграл бубнового туза.

Думается, что ни одного поэта мира не пропагандировали еще подобным образом. Этой своеобразной чести удостоился только Есенин, «признанный» блатным миром...

Блатной мир не любит стихов. Поэзии нечего делать в этом мрачном мире. Есенин — исключение...

1959

(Печатается в сокращении)

Варлам ШАЛАМОВ

Сергей Есенин

***

Пой же, пой. На проклятой гитаре
Пальцы пляшут твои в полукруг.
Захлебнуться бы в этом угаре,
Мой последний, единственный друг.

Не гляди на ее запястья
И с плечей ее льющийся шелк.
Я искал в этой женщине счастья,
А нечаянно гибель нашел.

Я не знал, что любовь — зараза,
Я не знал, что любовь — чума.
Подошла — и прищуренным глазом
Хулигана свела с ума.

Пой, мой друг. Навевай мне снова
Нашу прежнюю буйную рань.
Пусть целует она другова,
Молодая красивая дрянь.

Ах, постой. Я ее не ругаю.
Ах, постой. Я ее не кляну.
Дай тебе про себя я сыграю
Под басовую эту струну.

Льется дней моих розовый купол.
В сердце снов золотых сума.
Много девушек я перещупал,
Много женщин в углах прижимал.

Да! Есть горькая правда земли,
Подсмотрел я ребяческим оком:
Лижут в очередь кобели
Истекающую суку соком.

Так чего ж мне ее ревновать,
Так чего ж мне болеть такому.
Наша жизнь — простыня да кровать.
Наша жизнь — поцелуй да в омут.

Пой же, пой! В роковом размахе
Этих рук роковая беда.
Только, знаешь, пошли их на х.. —
Не умру я, мой друг, никогда.

1922

***

Сыпь, гармоника. Скука... Скука...
Гармонист пальцы льет волной.
Пей со мною, паршивая сука,
Пей со мной.

Излюбили тебя, измызгали —
Невтерпеж.
Что ж ты смотришь так синими брызгами?
Иль в морду хошь?

В огород бы тебя на чучело,
Пугать ворон.
До печенок меня замучила
Со всех сторон.

Сыпь, гармоника. Сыпь, моя частая.
Пей, выдра, пей.
Мне бы лучше вон ту, сисястую, —
Она глупей.

Я средь женщин тебя не первую...
Немало вас.
Но с такой вот, как ты, со стервою,
Лишь в первый раз.

Чем больнее, тем звонче,
То здесь, то там.
Я с собой не покончу,
Иди к чертям.

К вашей своре собачьей
Пора простыть.
Дорогая, я плачу.
Прости... прости...

1922

***

Ты меня не любишь, не жалеешь,
Разве я немного не красив?
Не смотря в лицо, от страсти млеешь,
Мне на плечи руки опустив.

Молодая, с чувственным оскалом,
Я с тобой не нежен и не груб.
Расскажи мне, скольких ты ласкала?
Сколько рук ты помнишь? Сколько губ?

Знаю я — они прошли, как тени,
Не коснувшись твоего огня,
Многим ты садилась на колени,
А теперь сидишь вот у меня.

Пусть твои полузакрыты очи
И ты думаешь о ком-нибудь другом,
Я ведь сам люблю тебя не очень,
Утопая в дальнем дорогом.

Этот пыл не называй судьбою,
Легкодумна вспыльчивая связь, —
Как случайно встретились с тобою,
Улыбнусь, спокойно разойдясь.

Да и ты пойдешь своей дорогой
Распылять безрадостные дни.
Только нецелованных не трогай,
Только негоревших не мани.

И когда с другим по переулку
Ты пройдешь, болтая про любовь,
Может быть, я выйду на прогулку,
И с тобою встретимся мы вновь.

Отвернув к другому ближе плечи
И немного наклонившись вниз,
Ты мне скажешь тихо: «Добрый вечер!»
Я отвечу: «Добрый вечер, miss».

И ничто души не потревожит,
И ничто ее не бросит в дрожь, —
Кто любил, уж тот любить не может,
Кто сгорел, того не подожжешь.

4 декабря 1925

Фото: Александр-Студия, Валерий СКЛЯРЕНКО

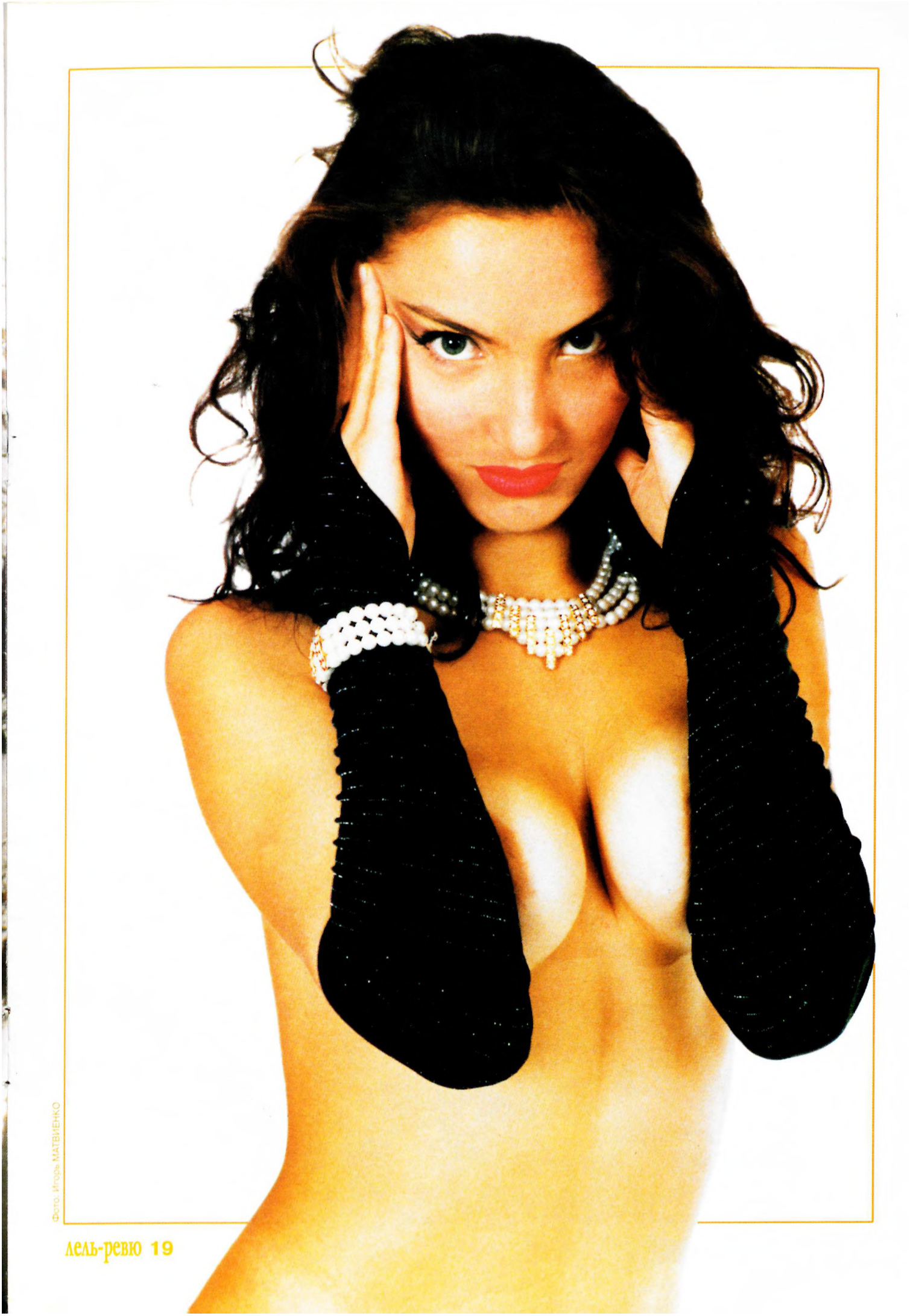


Фото: Игорь МАТВИЕНКО

лель-ревю

со стр. 11➔

дения, гулящая. // Дамка не мамка: не спросит, где были, только б не били!

ДВУСТВ**О**ЛКА — девушка. // — Двустволку вон ту хорошо б распять! — Можно и раз шесть, если стоять будет!

ДЕРЖ**А**ТЬСЯ ЗА СВ**А**ЙКУ — онанировать. // Некоторые шкурёхи специально на бугор вылезали в хорошую погоду, с ветерком. После такого сеанса ползоны за свайку держалось!

ДЕШ**Ё**ВКА — 1) гулящая. // Боб снова с Людкой-дешёвкой гужуется, на пятачке вчера видал. — 2) брань. // Что ж ты, дешёвка столичная, баки забиваешь! Нет там никакой Нинки!

Д**Ё**РНУТЬ — совершить половой акт. // Дёрнул он ее или нет, мне-то что!

Д**Ё**РНУТЬ ГУС**Я** — сонанировать. // Осталось только спеть: «Вставай, проклятьем заклейменный...» — и гуся дёрнуть!

ДОЛБ**И**ТЬ — сношать. // Да давно он шкурёху эту долбит!

ДРАТЬ — то же, что *Долбить*. // Не, запросто так я б ее не стал драть, у меня на нее не встал бы...

ДР**Ю**ЧИТЬ — то же, что *Долбить, Драть*.

ДР**Ю**ЧКА — женщина, девушка. // Дрючку с собой приволок, которую только в голодный год за сорок пончиков харить!

ДУПЛ**И**ТЬ, ОТДУПЛ**И**ТЬ — совершать акт мужеложства. // Отдуплят, как два пальца... Не волновайся!

ДУПЛ**О** — анальное отверстие. // Темно тут, как у негра в дупле! — И все-то ты знаешь, и везде-то ты уже побывал!

ДУХ**О**ВКА — то же, что *Дупло*.

Д**Ы**РКА — женщина. // Ладно, из-за дырки хоть не базарьте!

Д**Я**ТЕЛ — активный педераст. // Фука — дятел еще тот, отдолбит — глазом не моргнешь!

ЕЛД**А** — мужской половой член большого размера. // Чвили свою елду как вывалил — до колена!

Ж**А**ЛО — язык. // Клёвая чувиха, такой можно жалом по секелю поводить!

Ж**А**РИТЬ — сношать. // Какую бабу они там в подвале жарили? Чего она так орала?

Ж**А**ТЬСЯ — обниматься, ласкаться. // — Вечером как в подъезд зайдешь — жмутся на всех площадках... — Тебе-то что, завидки берут, что ли? Пусть жмутся!

ЖЕН**И**ЛКА — мужской половой член небольшого размера. // Женилка-то с гулькин нос. С плоскогубцами, небось, в сортир ходишь?

ЛЕОНИД ГАБЫШЕВ

ЛЮСИК

Автобиографическое повествование Л.Габышева «Одлян, или Воздух свободы» — потрясающий человеческий документ, страшное обвинение порожденной тоталитарным режимом «правоохранительной» системе. Автор, будучи еще «малолеткой» — несовершеннолетним правонарушителем, — прошел все круги пенитенциарного ада: КПЗ, СИЗО, этапы, ИТК, «зоны»... В отличие от многочисленных книг об ужасах сталинского ГУЛАГа, действие которых происходит в основном до середины 50-х, в этой невыдуманной повести описаны калечащие души и судьбы подростков — пусть и правонарушителей — советские тюрьмы и колонии конца 60-х — начала 70-х годов, где и ныне, после распада СССР, мало что изменилось по существу.

Об одной из многих тысяч таких искалеченных судеб — предлагаемый фрагмент.

В шестнадцатую комнату поселили новичка, москвича. Кличка — Люсик. Среднего роста, симпатичный, с голубыми глазами и похожий на девушку. Он — педераст и пришел с «раскрутки». Ему добавили срок и отправили в Грязовец. Весть о педерасте облетела зону, и Люсиком дивились.

На третью ночь Люсик разбудил соседа и предложил развлечься.

— Вставай, вставай, — шептал он Гороху. — Нас никто не увидит. Мы быстро.

Горох смотрел на Люсика, а тот его уговаривал. Горох понимал: их могут засечь и добавят срок.

— Люсик, — сказал Горох, — если еще будешь базарить, — и выругался трехэтажным матом, — я отлуплю тебя.

Люсик, ничего не добившись, лег, но на следующую ночь разбудил другого парня.

Об этом скоро узнали все, и активисты отвели Люсика к начальнику режима. Майор Беспалов, поняв, что из-за Люсика могут раскрутиться ребята, дал ему десять суток дизо*. Люсику до восемнадцати оставалось меньше двух месяцев, и Беспалов решил продержать его в дизо на общем основании и отправить на взрослый.

Впервые ярый пидар прибыл в Грязовец, и Беспалов решил поговорить с ним. Отодвинул резинку глазка, понаблюдал. Люсик лежал на нарах, заложив за голову руки, и глядел в потолок.

Беспалов вошел. Люсик встал и поздоровался.

— Гена, тебе письмо от матери.

Мать Люсика, зная, чем он занимался в зоне, — она к нему на суд приезжала, — писала, что в жизни многое видала, встречала людей всех цветов и оттенков, но такого юного и стремящегося к *этому* встречать не приходилось.

* *Дизо* — дисциплинарный изолятор, карцер.

Фото: Георгий СКАЧКО

Люсик прочитал письмо.

— Гена, как ты стал таким? Даже мать удивляется.

Люсик ясными голубыми глазами посмотрел на Беспалова и спросил:

— Павел Иванович, дадите закурить?

Беспалов протянул папиросу и чиркнул спичку. Люсик затянулся, прищурил глаза, затем снова затянулся, быстро выпустил дым и сказал:

— Павел Иванович, мне обидно, больно, меня даже мать не понимает. Кто меня поймет? Она удивляется, вы удивляетесь, почему я стал таким. А удивительного ничего нет. На свободе меня первый попробовал брат, а здесь я привык. Меня таким тюрьма сделала. В чем я виноват? В тюрьму попал случайно. В камере, видя, что я симпатичный, начали фаловать. Я подумал: раз просят, надо дать, ведь давал же брату. И я дал. Мне сказали, что теперь я с мастью, и вся камера начала со мной быть. Мне было противно, никакого удовольствия, но после этого не давать я не мог. Если отказывался, били. Я подумал: чем терпеть, лучше давать. Так было в следственной камере, так стало и в осужденке. Потом на зону. Из тюрьмы не один пришел, и земляки рассказали обо мне. И в зоне я продолжал давать.

Меня, как других, не били. Отоварку и посылки не отбирали. Я рогам и положнякам* давал, и они на меня еженедельно составляли график за подписью рога зоны, а то желающих много и поначалу из-за меня дрались. Я не работал, чтоб пропускать побольше, а потом закосил и попал в больничку. В палате лежал один и впервые почувствовал, как мне хочется *этого*.

Из больнички пришел, и у меня понеслось. Да, Павел Иванович, я получал удовольствие, и мне *этого* хотелось. Начальство узнало и одного парня раскрутили, потом другого. Я — потерпевший. Никто не понимал, что мне самому хочется. Все думали, что меня принуждают. В зоне после второго суда не все желали со мной быть. Раскрутки боялись. Тогда я сам стал уговаривать ребят, и они соглашались.

В конце концов нас опять застукали. Теперь и мне решили добавить срок и отправили в тюрьму. Там из-за меня еще один раскрутился. И вот я здесь. А меня не понимают. Мне, Павел Иванович, хочется, мне очень хочется *этого*. А на свободе я не попробовал ни одной женщины, и они мне теперь не нужны. Вот сейчас один — и готов на стенку лезть. А что дальше? Приеду на взрослый, и меня снова застукают, и опять добавят. И так мне сидеть всю жизнь...

Беспалов слушал исповедь Люсика, и ему было жаль парня. Он вглядывался в глаза Люсика, — а они у него бездонные и такие голубые-голубые, — и казалось, что из этих глаз смотрит еще одно существо, и это существо — женщина. Люсик, не став мужчиной, превратился в женщину и теперь оттого, что ему не хватало *этого*, страдал.

— Дайте еще закурить.

Беспалов дал закурить и вышел из камеры. Дежурным наказал: наблюдайте за Люсиком.

Люсик, отсидев десять суток, получил матрац и продолжал жить в дизо на общем положении, в день два часа гуляя в прогулочном дворике.

Но не долго он протянул в одиночестве. Свил из простыни веревку и, привязав ее к решетке, повесился.

Матери дали телеграмму, но она не приехала. «Хозяйственники» выкопали Люсику на городском кладбище могилу и зарыли наспех сколоченный гроб.

Фото: Алексей ФАРТУШНЫЙ

* *Рога, положняки* — авторитеты, активисты из заключенных.

ЗАДРЫГА — гулящая (*брань*). // Да ты знаешь, салабон, где эта задрыга уже побывала?

ЗАЖИМАТЬСЯ — обниматься, ласкаться. // Чувиха как начнет зажиматься, у меня трещит все...

ЗАКАДРИТЬ, от *Кадрить* — обольстить. // Да, неслабую чувиху закадрил! Что ты теперь с ней делать будешь?

ЗАЛУПА — головка мужского полового члена. // Вышел Миша на крыльцо почесать свое яйцо. Химия, химия — вся залупа синяя! (*Из рифмовок*).

ЗАМАРЬЯНИТЬ, от *Марьянить* — уговорить. // Вроде уже замарьянил чуву, а ни хрена подобного, прокинула!

ЗАНОЗА — любовница. // Ну, а в нашей колонии народ совсем отпетый. Один, к примеру, застал у занозы любовника, схватил ее годовалого ребеночка и выбросил в окно на снег... (*А.Безуглов, «Факел сатаны»*).

ЗАСАЖИВАТЬ, ЗАСАДИТЬ — то же, что *Вгарнуть*. // Я тебе засажу... всю поляну цветами, Хоть давно не стоит... даже роза в стакане... (*Из рифмовок*).

ЗАСОПЛИВЕТЬ — заболеть венерической болезнью. // Этот сперматозавр трахается каждый день с разными — и не засопливел ни хрена! А Клим раз конец помочил — и подхватил удовольствие...

ЗАТРУХАННЫЙ — онанист. // Ну как этот затруханный поживает? Или бросил дрочить?

ЗАФАЛОВАТЬ, от *Фаловать* — уговорить. // Покочевряжилась для понту, чтоб я ее вроде как зафаловал, шкурёху!

ИГЛА — мужской половой член. // Ну, и решили зэки его проучить. Поначалу прозвище дали: мол, чем насиловал, такова и кличка тебе... Не пожалели воры и пойла для Иглы... (*Э.Нетесова, «Утро без рассвета. Колыма»*).

ИГРАТЬ В БИЛЛИАРД — держать руки в карманах брюк. // Брось ты в бильярд играть!

ИНСТРУМЕНТ — то же, что *Игла*. // Зинка любит мужика за инструмент подержать, очко, небось, играет...

КАДР — приятель. // Мадам опять со своим кадром прикандыбала, будет весело, я чую...

КАДРА — женск. к *Кадр*. // Кадру видал Лехину? Чувырла какая! Страшней атомной войны.

КАДРИТЬ — добиваться близких отношений. // Во Рыжий какой станок кадрит — что пульмановский вагончик!

КАЙФ ЛОВИТЬ — испытывать удовольствие. // Она перед ним буферами трясет, а тот кайф ловит, балдит!

КАР — мужской половой член. //

Минжа кара не боится, кар на дыбки становится! (*Из рифмовок*).
КАРУША — то же, что *Кар*.
КИСА — обращение к девушке, женщине. // И тут Рест доказал, что существуют на свете истинные джентльмены. — Вот тебе кусок, киса, — говорит он ей и подает деньги. (*А.Леви, «Записки Серого Волка»*).
КОБЕЛИХА, КОБЛИХА, КОБЕЛЬ, КОБЁЛ — активная лесбиянка. // Если припрет, так и сами себя обслуживают. «Кобель» — эта за мужика, «кобелиха», придумают же, стервозы!.. // — Кто-кто с вами шел? — переспросил высокий белобрысый парень. — Да кобёл, говорю. — А что такое кобёл? — А вы по какой ходке? — спросил Глаз. (*Л.Габышев, «Одлян»*).
КОБРА — то же, что *Вафлёрша, Вафлистка*.
КОВЫРЯЛКА — лесбиянка. // «Ковырялки» приревновали одну — или одного, не знаешь, как и сказать, — и отомстили...
КОЗЁЛ — пассивный педераст. // Каждого пидера мы не станем охранять. Дерут их зэки, и правильно. Я им за такое по бутылке выставлял бы. А козлов в расход, и рука не дрогнула бы. (*Э.Нетесова, «Колымский призрак»*).
КОКИ — яички. // Все коки себе отбил по такой дороге!
КОЛОТЬСЯ, ПРИКОЛОТЬСЯ — приставать. // К ней кололся один тут, пришлось немного поучить борзоту...
КОНЕЦ — мужской половой член.
КОНЕЦ МОЧИТЬ — совершать половой акт.
КОНЧАТЬ, КОНЧИТЬ — достичь оргазма. // Как там Алка пела: «Я так хочу, я все лето не кончала...»
КОТ — 1) любовник. // Анька с очередным котом спуталась, как я слыхал. Так?.. — 2) мошенник, использующий сожительницу (кошку) в качестве приманки с целью воровства. // Не последнее место в преступном мире конца XIX — начала XX в. принадлежало «котам» и «кошкам», промышлявшим «хипесом» — обиранием любовников. (*С.Лебедев, «Антиобщественные традиции, обычаи и их влияние на преступность»*).
КРАСЮК — красавчик. // Вася парень красивый, красюк, девки любят.
КРАСЮЧКА — женск. к *Красюк*.
КРОШКА — обращение к девушке, женщине. // Крошка, говорю, ползи на грудь, пупками потерёмся, поцарапаемся.
КУПИТЬ РОЗОЧКУ — заразиться венерической болезнью. // Она не грязная? А то розочку купишь, как два пальца обоссать!
КУТКОМ ПРОТЯНУТЬ — изнасиловать группой. // Кутком бы ее протянуть, по-другому б запела!..

ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ

РАЛЬФ ЙОРАН

Фрагмент

Господин Титц, — торжественно произнес обер-прокурор, — за обезвреживание опасного рецидивиста Армина Брасселя было назначено вознаграждение в размере десяти тысяч марок...

Он поднялся со своего кресла. Защелкали фотокамеры многочисленных корреспондентов газет. Вспышки блицев ослепили прокурора. Между тем на Вольфганга Титца все это явно не произвело ни малейшего впечатления. К таким вещам он давно был привычен.

— Да, верно, — сказал он и тоже поднялся в своей хорошо известной развязной манере. — Да, верно, дорогой обер-прокурор. Этого несчастного я, собственно говоря, не обезвредил — то был всего лишь его сообщник. Так значит ли это, что вы хотите вручить упомянутую сумму мне, подстрелившему в зад и отправившему на тот свет незадачливого грабителя банков?

Некоторые репортеры громко рассмеялись. Вольфганг Титц, стройный, среднего роста тридцативосьмилетний брюнет, был любимцем прессы, которая вот уже полтора десятка лет называла его не иначе, как Вольф-Сластолюбец.

Обер-прокурор укоризненно кашлянул. Фривольность, с которой была отпущена шутка о смерти человека, покоробила его. Да и сам он показался себе несколько смешным в данной ситуации. Разве не смешно предлагать миллионеру чек на десять тысяч марок в качестве вознаграждения?

— Во всяком случае, вы получите эту сумму, — сухо ответил он. — Я знаю, деньги для вас ничего не значат. Тогда пусть вашим вознаграждением будет сознание того, что благодарная общественность не забудет услуги, которую вы ей оказали, проявив при этом немалое мужество. Другого вознаграждения, кроме этого чека, органы правосудия предложить не могут...

С этими словами обер-прокурор протянул было руку, но в тот же миг Вольф-Сластолюбец произнес:

— Мне кажется, я знаю еще один способ вознаградить меня!

— Что за способ, Вольф? — закричал кто-то из репортеров. — Уж не хотите ли вы получить орден "За заслуги перед отечеством"?

Титц крикнул в ответ:

— Ребята, сейчас вы еще разочек нажмете свои кнопки, когда мы с господином обер-прокурором будем пожимать друг другу руки, а затем все отправляйтесь в бар "Сафари". Я приду вслед за вами, и мы обмоем мое вознаграждение так, что чертям тошно станет!

После церемонии рукопожатия ликующая пресса отправилась по указанному адресу. Обер-прокурор недоверчиво смотрел на пресловутого плейбоя. В принципе этот человек был ему глубоко противен. Однако в стычке с преступниками он вполне доказал, что представляет собой нечто большее, чем просто распутника и кутилу. И теперь вот, как это ни смешно, получил за это десять тысяч марок и — что для него наверняка еще важнее — попал в заголовки газет. Что же еще ему надо?

— Я вполне серьезно говорил о другом вознаграждении, о таком, которое для меня действительно было бы вознаграждением, — сказал Вольф-Сластолюбец.

— Слушаю вас, господин

Фото: Вилтайле КВИТКА

Титц, — вежливо ответил обер-прокурор и опустился глубоко в кресло, как бы пытаясь спрятаться от этого нахала за своим огромным письменным столом.

— В том случае, если вы согласитесь вознаградить меня таким образом, я добавлю к этим десяти тысячам еще столько же и отдам их родным и близким погибших на службе полицейских.

Обер-прокурор молча кивнул.

— Кроме того, возможно, мне придет в голову что-нибудь интересное, — конечно, если я очень хорошо подумаю, — относительно еще одного, сбежавшего сообщника Арнима Брасселя... Нет, нет, пожалуйста, не говорите пока ничего. Сначала я хотел бы узнать, видели ли вы недавно телепередачу под названием «Женщины в тюрьме»?

— Конечно, господин Титц. Но я не понимаю...

Вольф-Сластолюбец слегка приподнял руку.

— Минуточку!.. Вы знакомы с версией, которая была передана по телевидению, или как обер-прокурор имели возможность прослушать и изъятые цензурой места из интервью с заключенными женщинами?

— Цензурой? Я попрошу вас, господин Титц... В нашем свободном демократическом государстве...

— ...не существует никакой цензуры, — с усмешкой закончил его мысль Вольфганг Титц. — У нас это называется «заботой о нравственности молодежи», «добровольным самоконтролем» и так далее. Итак, господин обер-прокурор, слушайте внимательно...

Он достал из кармана своего свободно сшитого замшевого пиджака небольшой кассетный магнитофон и включил его. Сначала раздался голос известной тележурналистки. В ее вопросе слышалась растерянность:

«Так вы за смертную казнь? Вы, которая наверняка была бы казнена, если бы у нас существовала смертная казнь?.. Вы, приговоренная к пожизненному заключению?..»

В ответ зазвучал глубокий, необычайно чувственный голос молодой женщины:

«Пожизненное заключение более жестоко, чем смертная казнь. Здесь ты как бы уже похоронена, но без казни».

«Во всяком случае, вы живы. И у вас все-таки есть шанс выбраться на свободу».

Собеседница горько рассмеялась.

«Эх ты, ангелочек!.. А теперь я хочу задать *тебе* вопрос: как часто ты расставляешь свои ноги? Как часто допускаешь туда какого-нибудь мужика?»

«Ну... я веду нормальную, здоровую сексуальную жизнь», — несколько смущенно ответила журналистка.

«Нормальную, здоровую сексуальную жизнь... — с едва скрываемым волнением повторила ее собеседница. — Могу себе представить, что это значит», — добавила она спустя секунду.

По-видимому, в этом месте журналистка попыталась вновь овладеть ситуацией и повернуть интервью в нужном ей направлении. Но ее собеседницу как будто прорвало. Из ее уст неудержимым хриплым потоком хлынули дикая ярость и бушующая страсть:

«Это значит, что тебя трахают не меньше двух раз в неделю! А при твоем возрасте и сладкой профессии, когда ты разъезжаешь по всему миру, ты можешь позволить себе все, что угодно, на тебя налетит любой, самый тяжелый бомбардировщик, и тебе для этого не нужно долго крутить задницей и привлекать его бутылкой. Ты никогда не задумывалась, сколько сидящих перед телеящиком парней рвут на себе ремни и спускают джинсы, как только завидят тебя на экране? Да каждого такого сеанса онанизма во время каждой твоей передачи хватило бы пожизненно осужденной, даже если бы она пришла сюда в двадцать, а сейчас ей шестьдесят! И можешь мне поверить: здесь, в тюряге, мы приняли бы и самого зеленого из этих мальчишек с необсохшим на губах молоком, которые из-за тебя попусту изнуряют свои яйца. Мы бы приняли его, как самую известную звезду кино и телевидения. Вот так вот все это здесь выглядит, пока ты ведешь нормальную, здоровую половую жизнь!..»

На какое-то мгновение женщине отказала речь. По-видимому, не могла говорить и журналистка. Во всяком случае, она явно не нашла слов, чтобы как-то прокомментировать услышанное или задать новый вопрос. Поэтому спустя несколько секунд интервью продолжила сама заключенная:

«Ты, наверное, удивляешься, как я все это представляю, да? Конечно, я не училась, как ты, и особо умной себя не считаю. Но я здесь уже пять лет. А это значит, что я почти две тысячи раз лежала в своей камере и не могла дождаться, когда же они вырубят свет. И когда, наконец, его вырубают, тогда я задираю свою ночную сорочку вверх до самого горла. Мои титьки уже давно торчат, как свечки, а к моему живчику мне стоит только прикоснуться пальцем, как он вмиг выпрыгивает из щели. А потом я сгибаю ноги и медленно развожу их, совсем медленно и очень ши-

ЛОМАТЬ ЦЕЛКУ — лишать невинности. // Сахар белый, сахар белый, сахар беленький, песок! Девкам целки да ломают — я им сделал из досок! (*Из рифмовок*).

ЛОХМАТУХА — осужденный за изнасилование. // Если б узнали, что лохматуха, — отметелили б точно...

ЛОХМАТЫЙ СЕЙФ — влагалище. // На этот лохматый сейф еще кой-кто ножичек точил. И то ни хрена не вышло.

ЛЫТКАРИТЬСЯ — заниматься лесбиянством. // Однажды я повздорила с человеком от администрации. И когда он узнал, что мы лыткаримся, то отомстил мне, перебросив Таню в другой отряд. (*«Огонек», 1991, № 38*).

МАКЛИ — волосы на гениталиях. // Макли состригли, щекотится все. Как на толчок итти — смехота!

МАНДАВОШКА — лобковая вошь. // Ну, и эти, конечно, блошки-вошки-мандавошки! Антисанитария!

МАРУХА — сожительница, любовница. //...Наводчик всегда нужен, без него и дела не найдешь. По пустякам мараться я не люблю... Ну, и маруха! Как без нее? (*Н.Александров, «Мы из розыска»*).

МАРЬЯНА — женщина. // Тоже был в беге, но втюрился в одну марьяну. Она думала, что он женится, а как он мог, он же в беге. (*А.Леви, «Записки Серого Волка»*).

МИНА, МИНЕТ — занимающийся оральным сексом. // Это означало, что он не может дать окурок, потому что он мастёвый. Но некоторые ребята втихаря брали у минетов окурки. (*Л.Габышев, «Одлян»*).

МИНЕТКА — женск. к *Мина, Минет*.

МИНЖА — влагалище. // Минжа кара не боится, Кар на дыбки становится. (*Из рифмовок*).

МИНЬЕТ — оральный секс.

МОЛОФЕЙКА — сперма. // Хороши московские девчата, особливо с русою косой, Ляжешь на скамейку, спустишь молофейку, сразу жизнь становится иной. (*Из песни*).

МОТОРОЛЛЕР — инородные предметы в мужском половом члене. // Вживляют иногда шарики пластмассовые в член. Считают, наверное, что от мотороллера балдеют сильней...

МОХНАТАЯ — то же, что *Лохматый сейф*.

МОХНАТАЯ КРАЖА — изнасилование. // За мохнатую кражу сел? Или за дело?

МУРКА — обращение к женщине. // Я ей: «Мурка, не надо ля-ля, ближе к телу...»

НАТЯГИВАТЬ, НАТЯНУТЬ — сношать. // Да была охота ее натягивать! Давно б натянул, если б хотел!

НОЖ — мужской половой член. //

Не, на этот батон у тебя нож маловат...
НОЖ ПОТОЧИТЬ — совершить половой акт. // Иногда еще и нож поточить можно. Для расслабухи.

ОБИЖЕНКА, ОБИЖЕННИК — пассивный педераст. // На другой день на Санькино место посадили малолетку. Это был обиженка. В камере над ним издевались. (*Л.Габышев, «Одлян»*).
ОБОЮДКА — лесбийский секс. // Бывает «обоюдка» — это когда ты, к примеру, ласкаешь, потом — тебя, бывает «одновременка». А «коблы»? Да есть тут такие, ну видели, наверное, вроде мужиков из себя ломают. (*«Лит .газета», 17.04.91*).
ОБТРУХАТЬСЯ — эякулировать при онанизме. // — Ну что? — спросил Миша. — Не обтрухался? — Цыган от удовольствия открыл глаза, закрыл и с сожалением сказал: — Да, неплохо бы ее. Полжизни б отдал. (*Л.Габышев, «Одлян»*).
ОДНОВРЕМЕНКА — лесбийский секс. См. *Обоюдка*.
ОПУСКАТЬ, ОПУСТИТЬ — изна-силовать в задний проход. // А сколько ребят «девочками» сде-лали. Это же ужас. Меня тоже однажды «опустить» хотели. (*«Столица», 1990, № 4*).
ОПУЩЕННЫЙ — изнасилованный. // — Петухи, орлы и другие птицы — в 12-й камере. — «Петухи» — это опущенные? — Да. Их в ПТК содержали в одной из камер. (*«Огонек», 1991, № 17*).
ОЧКО — анальный проход. // Ништяк, в натуре, очко-то жим-жим. Ладно, на сегодня хватит, а завтра что-нибудь придумаем. (*Л.Габышев, «Одлян»*).
ОЧКО ЗАИГРАЛО — возбудился, возбудилась. // Ты что вокруг него трешься? Очко заиграло? Большого и чистого захотела?

ПАЛКА — 1) мужской половой член. // У него палка по колено! Как засунет, так не плачь! — 2) половой акт. // Чего эта приходила? На палку?
ПЕРЕПИХНИН, ПЕРЕПИХОН — половой акт. // И совершили мы с ней перепихнин с повторином, и засадил я ей по самые помидоры!
ПЕТУХ — то же, что *Опущенный*. // — «Петухи» — это опущенные? — Да. Их в ПТК содержали в одной из камер. (*«Огонек», 1991, № 17*).
ПЕТУШАТНИК — камера, в которой занимаются мужеложством. // «Петушатник», или «пресс-хата», в тюремных заведениях — самое унизительное местопребывание: там из нормального человека делают педераста. (*«Огонек», 1991, № 40*).
ПИДАРЬ, ПИДОР — педераст. // С криком: «Я этих пидарей спасу для ответа перед судом народных заро-ко. Потом я жду... Можно сказать, пытаюсь гипнотизировать себя, понимаешь? По крайней мере, вовсю стараюсь представить себе, что сейчас произойдет. Чаще всего это удается довольно скоро. Хорошо, что у меня богатая фантазия. Только не спрашивай меня, нормально или ненормально у нас здесь между женщинами... ты знаешь, о чем я говорю. Ясно, что мы ложимся друг к дружке, массируем одна другой щель и сосем титьки. Попробуй-ка не видеть пару лет ни одного мужика — поневоле начнешь подпрыгивать от нетерпения при виде голой молоденькой сучки под душем. И коль уж ты не можешь теперь зажечь какого-нибудь парня, то сделай, по крайней мере, что-нибудь, чтобы помутнел взгляд у подружки, перед которой ты раздеваешься. Понимаешь?.. А ничего другого здесь нет. И вот каждую ночь я лежу и как будто по-настоящему ощущаю в себе толстую палку распалившегося парня — только трахает-то он меня не по-настоящему!.. Я сойду с ума! Вот уже пять лет, как я в этой тюрьме. Теперь мне двадцать восемь. Больше я здесь не выдержу — ни пять, ни десять, ни тем более двадцать лет!..»

Речь ее прервалась судорожным всхлипом. Затем какое-то время слышался только тихий плач. И наконец прозвучала произнесенная уже не дерзким, а покорно-униженным тоном одна-единственная фраза:

«Скажите им там, на воле — пусть разрешат нам иногда хотя бы немножко настоящего секса, пожалуйста!..»

Вольфганг Титц выключил магнитофон. Вид обер-прокурора за письменным столом явственно показывал, что он неприятно поражен услышанным, недоволен и не знает, что и думать.

— Честно говоря, я не понимаю, куда вы клоните, господин Титц, — заявил он наконец.

На лице плейбоя не дрогнул ни один мускул, когда он посмотрел прямо в глаза прокурору и ответил:

— Я хочу склонить вас к тому, чтобы исполнить желание этой женщины.

Обер-прокурор от неожиданности приподнялся и какое-то мгновение оставался в таком положении, а затем упал назад в кресло.

— Господин Титц, я вынужден спросить вас, сознаете ли вы, чего хотите? Даже не говоря о моральной стороне дела...

Движением руки Титц прервал тираду прокурора и покачал головой.

— Вы ошибаетесь, господин обер-прокурор, не такое это уж беспрецедентное дело. В старой Австрии незадолго до первой мировой войны одному убийце действительно было исполнено его последнее желание: провести ночь перед казнью в сексуальных утехах.

— Трудно поверить, господин Титц. Однако это можно было бы еще расценить как своего рода компенсацию заведомо невиновной супруге преступника.

Титц снова покачал головой.

— Он вообще не был женат. Нет, императорское судебное ведомство известной своей святостью старой Австрии пригласило и, насколько я знаю, даже оплатило профессиональную проститутку.

Лицо обер-прокурора стало каменным.

— Ну что ж, он получил что захотел. Но наша дискуссия беспредметна. Даже если бы законные преграды не оказались непреодолимыми, то практически это все равно невозможно. Зарабатывающая своим телом на жизнь женщина для преступника — это еще, по крайней мере теоретически, куда б ни шло. Но кто, скажите мне, для такой неделикатной цели решился бы пойти в женскую тюрьму?

И опять ни один мускул не дрогнул на лице Вольфганга Титца по прозвищу Сластолюбец.

— Я, господин обер-прокурор...

О том, что это мрачное здание восходило к достаточно далеким временам, свидетельствовала надпись над глухими воротами: «Королевская женская тюрьма», — которая, несмотря на все попытки от нее избавиться, до сих пор прочитывалась весьма отчетливо. Ныне эту разрушающуюся от времени каменную громаду в очередной раз приводили в божеский вид. Прежде всего нуждались в ремонте внутренние помещения. Камеры, где отбывали наказание женщины, осужденные на длительные сроки и пожизненно, были уже приведены в прядок, но в коридорах все еще стояли лестницы и козлы.

— Никуда не деться от запаха этой проклятой краски! — ругалась Эльке, надевая бесформенную тюремную ночную рубаху. — Вот уже месяц здесь работают маляры, а мы ни одного в глаза не видели. Вот помянете мое слово: когда придут электрики, нас вообще перестанут выводить из камер.

Самая молодая из трех заключенных, мулатка Блэки, закатила глаза:

— А я и так чувствую себя совсем по-другому, только лишь представлю себе, что здесь побывали маляры. Вы только подумайте, девки: у нас здесь работало по меньшей мере два члена.

Два трахающих инструмента и два мешка с яйцами! Обалдеть можно! Может быть, они у них даже стояли, когда мужики во время работы вели свои похабные разговоры...

Инга, третья сокамерница, уже лежала в постели и молчала. В последнее время она заметно избегала разговоров о сексе, особенно после того, как раскололась перед той репортершей с телевидения. Во всяком случае, сама она считала, что раскололась.

Наконец под одеяла нырнули и обе ее товарки. Скоро должны были погасить свет. Места Эльке и Блэки располагались слева и справа от находившегося почти под потолком зарешеченного окна. Кровать Инги стояла напротив шкафчиков для вещей, ближе к другому концу вытянутой в длину узкой камеры.

Спустя несколько минут свет погас. Но темнее от этого почти не стало. На небе за окном стояла полная луна, и ее свет широкой полосой проникал в камеру, превращая все находившиеся там предметы в несколько размытые, но тем не менее хорошо различимые тени. Инга отбросила одеяло, закатала ночную рубашку и с некоторым усилием принялась массировать свои крепкие груди с торчащими сосками. С неслышным для других продолжительным и глубоким вздохом она, как в трансе, раскрыла свое лоно. Когда ее длинные стройные ноги оказались разведенными настолько, насколько позволяла кровать, она медленно подтянула их на себя, уперлась ступнями в тюфяк и круто подняла низ живота. Полоса лунного света падала как раз между широко разведенными бедрами и придавала серебристый отблеск росшим вокруг входа в лоно волосам.

В таком положении она могла находиться очень долго. При этом ее дыхание становилось все учащеннее и громче, говоря о том, что она действительно испытывает ощущения сладострастного соития, интенсивность которых все увеличивается. Ее раздувшиеся, набрякшие срамные губы раскрывались шире и шире. Торчком появился сильно возбужденный клитор и, источая резко пахнущий сок, жадно ринулся навстречу горячему мужскому половому члену, существующему только в воображении Инги.

Обе сокамерницы знали о ее ухищрениях. Они только никак не могли понять, отдается ли Инга все время своему бывшему мужу, который уже давно с ней развелся. Судя по всему, этот парень был фантастическим самцом и к тому же настоящим красавцем. Именно из-за него с Ингой и произошло несчастье. Когда одна богатая, но уже в летах женщина попыталась увести у неё мужа, Инга убила её.

Хотя и Эльке, и Блэки давно уже привыкли к этой ежевечерней сцене, скабрезный вид обнаженной товарки, бесстыдно и жадно отдающейся воображаемому мужчине, странным и непонятным образом возбуждал и их.

— Прийти к тебе? — хрипло прошептала мулатка.

Эльке очнулась от своей отрешенности. К тому времени она уже тоже раздвинула ноги под одеялом и запустила два пальца, до самого основания, себе во влагалище.

— Сегодня слишком светло, — прошептала она в ответ.

Блэки вздохнула с хриплым присвистом.

— Но я так хочу! Ужасно хочу... На моих сосках уже хоть картины вешай. И дырка свербит так, что спасу нет...

— Ну-ка дай я пощупаю.

С тесно сжатыми ногами Блэки засеменила к кровати Эльке.

— Постой! — потребовала Эльке и села на кровати. Затем схватила свою похожую на мешок ночную рубаху, свернула ее жгутом и протиснула между голыми подрагивающими ляжками Блэки чуть выше колен.

— Да, да! — захрипела та от охватившего ее желания. — Заставь мои ляжки раздвинуться! Раскрой мою щель!.. Да, да!.. Так!.. Дай мне почувствовать себя проституткой, которой засаживает ее дружок!..

Она медленно, как бы по принуждению, стала раздвигать ноги. Когда-то Блэки — а в тюрьме она была уже почти два года — и не помышляла стать проституткой. Когда ее «дружок» начал принуждать ее пойти на промысел, а на ее умоляющие просьбы ответил насилием и издевательствами, Блэки убила его. А поскольку она застрелила его спящего из его собственного пистолета и пыталась инсценировать самоубийство, ее обвинили в «заранее обдуманном и особо коварном убийстве».

Что ж до Эльке, похожей с виду на мадонну кисти какого-нибудь итальянского художника, то в свои тридцать четыре года она была самой старшей по возрасту в этой камере, но имела в своей жизни лишь одну сексуальную связь. Рано оставшись сиротой, она выросла в доме своей единственной родственницы, богатой старой девы с наклонностями тирана, которая с дьявольской изобретательностью старалась сделать из цветущей молоденькой племянницы то, чем была сама: ведьму,

седателей!» — отличный этот пловец ... бросился в воду и надолго пропал. (*«Новый мир», 1989, № 10*).

ПИСТ**О**Н СТ**А**ВИТЬ — то же, что *Бросать палку*.

ПОДЖЕН**И**ТЬСЯ — совокупиться, принудить к сожительству. // Да, на этой бы подженилась неплохо. Всё при ней.

ПОР**О**ТЬ — сношать. // Он ее только пороть начал, а Витька — свисть!

ПОСТ**А**ВИТЬ НА ХОР — то же, что *Кутком протянуть*.

ПОСТ**А**ВИТЬ НА ЧЕТ**Ы**РЕ К**О**СТИ (Т**О**ЧКИ) — изнасиловать в анальный проход. // Хочешь — и за щеку заставим взять, и на четыре кости поставим, ведь нет у тебя ни одного авторитетного земляка. Поддержку же тебе никто не даст. (*Л.Габышев, «Одлян»*).

ПРИБ**О**Р — яички. // Не бери меня за прибор, не люблю я этого, понял?

ПРОФ**У**РА — проститутка. // Из зала доносилось: — Ишь как шерудит, профура! Видит, свеча ее догорает!.. (*С.Довлатов, «Представление»*)

ПРОФУРС**Е**ТКА — то же, что *Профура*.

ПЯТН**О** ШОКОЛ**А**ДНОЕ — анальное отверстие.

РУКОД**Е**ЛЬЕ — онанизм. // От рукоделья волосья на граблях растут.

С**Е**КЕЛЬ — клитор. // Пальцем по секелю поводишь — и она твоя.

СИК**У**ХА — женщина. // Может, сикуху не поделили? С чего им еще базарить?

СИФ**О**Н — сифилис. // — У меня экзема, — соврал он. — А сифона у вас нет? — Был, но вылечили, — огрызнулся Борис. (*В.Корнилов, «Демобилизация»*).

СНИМ**А**ТЬ, СН**Я**ТЬ — то же, что *Кадрить, Закадрить*. // Сняли в ресторане двух подсадистых телок и на хату к Сивому рванули. Гужанулись, я тебе дам!

СРУБ**И**ТЬ — то же, что *Закадрить*.

СТАН**О**К — женский стан. // Станок у бабы что надо: подмахнет разок — улетишь...

СУХОДР**О**ЧКА — онанизм.

СУХ**О**Й СПОРТ — то же, что *Суходрочка*.

Т**Ё**ЛКА — девка. // Кто тебе поверит, — заигрывала Жанна. — Небось, каждый день с новой телкой. (*А.Безуглов, «Факел сатаны»*).

ТР**А**ХАТЬ, ТР**А**ХНУТЬ — брать (взять) физически. // Я подумал: кому же могло прийти в голову трахнуть бедное животное, кенгуру, и убить? (*Ю.Алешковский, «Кенгуру»*).

ТРЕП**А**К, ТРИП**А**К — триппер. //

Трепака схватил, что ль? Чего такой скособоченный?
ТРИ ПЕР**А** — триппер. // А Васька птичью болезнь подхватил: то ли два пера, то ли три пера называется. (*Из анекдота*).

УШИ — капроновые или резиновые кольца, надеваемые на половой член мужчины на время полового акта. // Могут шарик детский обрезать и надеть эти «уши» на член.

ФАЛОВ**А**ТЬ — уговаривать, домогаться. // А парня этого в отряде сильно зашибали. Бугор его все фаловал за щеку взять, за это житуху дать обещал. А парень решил умереть лучше, чем сосать. (*Л.Габышев, «Одлян»*).
ФРЯ — то же, что *Чува*. // Одна фря тощая увязалась, но я ей до пупа... Кадр был в порядке, только нам все равно бы не обломилось. (*В.Корнилов, «Демобилизация»*).

ХАРЕВО, Х**А**РЕВО-П**О**РЕВО — половое сношение.

Х**И**ПЕС — обирание любовников. См. *Кот, Кошка.*
ХУМ**О**ЗНЫЙ, ХУМ**О**ЗНАЯ — венерический (больной, больная). // А то взяли да к хумозным сунули — подлечиться от триппера.

ЦЕЛКА — 1) девственная пле-ва. // — Заткнись, шалава! — крикнул литер. — Фу, какой невоспитанный, — зазвенел в ответ серебряный колокольчик. — Я шалава? Да я девочка! Хочешь, покажу целочку — с твою таре-лочку... (*«Лит. газета», 13.02.91*). — 2) девственница. // Она пусть до гроба в целках сидит. Кто на такую полезет...
Ц**Е**ЛОЧНИК — осужденный за изнасилование. // Целочников на зоне, мягко говоря, недолюбливают.

Ч**У**ВА — девушка. // Ах ты чува моя, чува, тебя люблю я. Вытри губки свои, дай зацелую... (*Из песни*).
ЧУВ**А**К — юноша, молодой человек. // Чувак у этой шкуры гордый оказался, храпа здоровая. Штангист, чтоб ему...
ЧУВ**И**ХА — то же, что Чува. // Кто из вас хочет увидеть Гагры, кипарисы, море, испить вдосталь вина и побаловаться с чувихами? (*Л.Габышев, «Одлян»*).

ШАЛ**А**ВА — шлюха. // Как же ты променяла, шалава, моряка на штабное дерьмо?.. (*Из песни*).

движимую не нашедшим выхода вожделением, ненавидящую все человечество за то, что ей всю жизнь приходилось подавлять в себе женское начало.

Помимо всего прочего, тетка владела несколькими домами, которые сдавала внаем, и Эльке по старой традиции должна была каждый месяц обходить их и собирать плату. И вот однажды это случилось: безработный молодой мужчина с тремя детьми и неизлечимо больной, прикованной к постели женой, с которым Эльке разговорилась в гостиной их маленькой квартирки, неожиданно совратил ее. За все время их связи она смогла отдаться ему всего пять раз — когда приходила в дом собирать квартирную плату. И всегда точно так же, как это произошло в первый раз: в той же жалкой гостиной, которую он запирал на ключ, чтобы туда не заглянули дети, и поспешно, с ходу, чтобы ничего не заподозрила жена в спальне. Эльке успевала только стянуть трусы, поднять юбку и, широко расставив ноги, принять полусогнутое положение. Мужчина спускал брюки, которые к приходу Эльке были уже расстегнуты, подлезал животом кверху под нее — Эльке была значительно меньше его ростом, — насаживал ее на свой стержень и выпрямлялся. Потом она садилась на его ладони и двигалась вверх и вниз на вздрагивающем мужском члене. А поскольку при таком способе основная активность исходила от нее, то, несмотря на неблагоприятные обстоятельства, она необычайно скоро достигала оргазма, которым потом, так сказать, жила целый месяц до нового похода по квартиросъемщикам. Однако такое не совсем обычное совокупление имело и другие последствия: с приближением оргазма мужчина непроизвольно опускал еще ниже сидящую на его ладонях Эльке, так что мощная струя семени била прямо в раскрытый зев ее матки. Тем не менее четыре раза Эльке как-то проносило. Но на пятый раз он сделал ей ребенка. В ужасе и безысходном отчаянии Эльке отравила старую тетку. К тому времени, когда она родила дочку, ее уже приговорили к пожизненному заключению. Она отдала ребенка в приют и почти забыла о нем...

Но вот чего она никак не могла забыть, так это тех нескольких мимолетных минут, когда она чувствовала себя женщиной, того короткого острого наслаждения украденным счастьем в жалкой комнатушке, где ее пять раз поимели стоя и где она испытала сладострастные конвульсии всего своего существа...

Ноги Блэки уже были широко раздвинуты. Она оперлась на плечи Эльке, которая встала перед ней на колени, просунув обе руки под ночную рубашку подруги. Темные вьющиеся волосы мулатки, росшие очень близко к щели между мягкими теплыми ляжками, казалось, потрескивали, словно наэлектризованные напряженным ожиданием. А ее вздрагивания и стоны привели к тому, что и более сдержанная Эльке все сильнее возбуждалась и стала подергиваться от охватившего ее сладкого вожделения. Не отрывая рук от тела Блэки, она подняла и стянула с подруги ночную рубашку. Лунный свет придавал смуглым грудям мулатки странный матово-золотистый оттенок.

Эльке обхватила тонкую, стройную талию Блэки, опустилась на спину и притянула обнаженную девушку к своему горячему, конвульсивно вздрагивающему телу.

— Пошепчи мне снова что-нибудь... — жадно прижимаясь к Блэки, застонала она. — Расскажи подробно, что чувствуешь, когда голая лежишь под парнем, и он скачет на тебе, и внутрь тебя бьет струя... — И она стала исступленно потираться своими похожими на два больших белых яблока грудьми о торчащие острые соски мулатки.

— Хорошо, — выдохнула та почти беззвучно. — Но ты тоже должна меня раскочегарить. Я тоже хочу лечь на спину, чтобы меня хорошенько проутюжили, понимаешь?.. Ах, если бы только они разрешили нам использовать хотя бы искусственные члены, мы могли бы их пристегивать и...

Опершись на локти, Блэки начала ритмично раскачиваться на теле Эльке, и та в таком же ритме стала двигать свое лоно навстречу ей. Голова Эльке бессильно откинулась набок и взгляд упал на Ингу, которая словно застыла в своей странной позе и, стало быть, и сегодня успешно внушала себе, что в ее сладострастно раскрытую щель вставляет свой готовый к действию инструмент какой-то мужчина и вот сейчас начнет проталкивать его вперед...

Но тут взгляд Эльке затуманился от бурных, исступленных ласк подруги. Все ее тело трепетало, судорожно прижимаясь к Блэки в мучительном наслаждении. Поэтому она сперва сочла, что ее обманывают чувства, когда вдруг услышала, что под кроватью, на которой все так же, с широко расставленными ногами и раскрытым входом в лоно, лежала Инга, что-то двигается. Даже когда оттуда вынырнула какая-то тень, вдруг выросшая в

отчетливую человеческую фигуру, Эльке продолжала думать, что это всего-навсего галлюцинация. И даже сказала себе мысленно, что, видимо, не только Блэки, но и сама она свихнулась от тщетного желания увидеть хоть одного из маляров, которым разрешалось работать поблизости лишь в то время, пока заключенные находились в мастерских. И эта призрачная мужская фигура, которую она так отчетливо видела у кровати Инги, могла быть таким воображаемым маляром в рабочем халате...

Между тем фигура стояла неподвижно, как завороженная, уставившись на Ингу, чья поза в присутствии мужчины казалась особенно непристойной. Затем призрак сбросил с себя рабочий халат. Когда халат упал на пол, очертания фигуры стали как бы размытыми, но это длилось лишь какое-то мгновение, потому что вслед за халатом последовали шорты и футболка, и в лунном свете проявились широкие мускулистые плечи, мощная, сужающаяся к бедрам спина и стройные, покрытые темными волосами ноги. Только крепкий зад все еще был обтянут узкой полоской черных трусов. Но вот луна осветила и ягодицы — загорелые, способные совершать мощные толчки ягодицы. Наверное, этот парень был в отпуске где-нибудь на солнечном юге и бегал голяком по длинным пляжам, показывая тысячам посторонних женщин то, что болтается у него между ног...

Страх охватил Эльке — страх, что этот сладостный сон сейчас прервется и она не досмотрит главного. Она никогда еще не видела полностью обнаженного мужчины и мужских половых органов. «Может быть, я трогаюсь умом, — подумала Эльке. — Но все равно... все равно... я так хочу увидеть...»

И вдруг... Мурашки пошли у нее по коже. Призрак повернулся боком и двинулся к кровати, попав в полосу лунного света, попрежнему серебрившего волосы вокруг обнаженных и вывернутых наружу срамных губ Инги. И тут Эльке увидела то, что так хотела увидеть: страшно напряженный член во всем его великолепии, торчащий вверх в окружении густых темных волос, с гладкой кожей, из которой отчетливо выступала широкая толстая головка...

В глазах у Эльке помутилось, мускулы расслабились, но спустя несколько секунд короткий резкий вскрик Инги привел ее в себя. Лежавшая на ней Блэки испуганно вздрогнула. Значит, она тоже услышала!..

Обе молодые женщины откинулись на кровати и прямо из своей лесбийской игры попали в призрачную, фантастическую, но тем не менее вполне реальную действительность...

...Инга закричала, когда что-то вдруг пронзило ее застывшую в напряженном ожидании, поднятую вверх плоть. Еще до того, как твердый стержень проник в ее дрожащее от страсти влагалище на всю свою длину, ее охватило жаркое пламя оргазма, разом опалившее все ее тело. Руки и ноги, которые она уже была не в силах удерживать в прежнем положении, ощутили теплую человеческую плоть, а затем обхватили крепкое тело обнаженного мужчины. И всю ее затрясло, как в припадке эпилепсии...

Эльке и Блэки сидели на кровати, прижавшись друг к другу, и ничего не понимали. С тех пор, как в камере появился этот загадочный призрак, прошло немногим более пяти минут.

Спустя какое-то время Инга глубоко вздохнула, села и медленно погладила голое тело мужчины, лежавшего рядом с ней.

— Так ты настоящий?.. — сказала она наконец недоверчивым и удивленным тоном. — И ты действительно здесь?.. — Она покачала головой, и ее тяжелые, с торчавшими припухшими сосками груди задвигались в такт. — Как же это могло произойти, что у меня в кровати неожиданно оказался мужчина?

— Я один из маляров, — солгал Вольф-Сластолюбец, как и предусматривалось поставленными ему условиями.

— Но как ты проник сюда ночью?!

— Да все очень просто. Я поднажался и спрятался под кровать. На выходе нас уже не проверяют так тщательно, как поначалу. Лишь бы в автобусе не было женщины — и с них довольно.

— Значит, ты решил, что здесь можно попользоваться кое-чем на ш**а**ру? Ишь ты, жеребчик похотливый! Классная идея!.. Ну что ж, парень, эта ночь станет самой сладкой ночью в твоей жизни. Я тебя заделаю, понятно? На всю катушку заделаю! Вот уже пять лет, как я не трахалась... Ну-ка повернись на спину, дай я сяду на твою палку. Ночь коротка, а тебе надо хорошо меня накачать, так накачать, чтобы мне хватило лет на двадцать вперед!..

Две ее товарки по камере молча, словно окаменев, сидели на своей кровати с широко раскрытыми глазами...

Перевод с немецкого

ШАЛАШ**О**ВКА — то же, что Шалава. // — Шалашовки! — ругается Егор, выходя с почты. (*В.Шукшин, «Калина красная»*).

Ш**Е**ША, Ш**Е**ШКА — молодая проститутка. // — Сколько этой шеше лет? — А тебе чего? П...а ровесников не ищет.

ШИШ**А**К, Ш**И**ШКА — мужской половой член. // Будешь есть конфеты «Мишка» и вертеться на мой шишка... (*Из рифмовок*).

ШКВ**О**РИТЬ — то же, что *Харить*.

ШМ**А**РА — женщина легкого поведения, сожительница. // Шмара что надо: ни сиськи, ни письки, и жопа с кулачок...

ШМАРОВ**О**З, ШМАРОГ**О**Н — сутенер. // Там были девочки — Маруся, Роза, Рая, И верный спутник — Васька-шмаровоз... (*Из песни*).

ШП**О**РЫ — то же, что *Уши*. // Со шпорами трахаться клёво, бабы аж верезжат...

ЯЩЕР ПЕЧН**О**Й — рецидивист — активный гомосексуалист. // Ему ящер печной духовку прочистил. Ходит теперь с рваной жопой.

Фото: Глеб ТЮЛПА

ВАРЛАМ ШАЛАМОВ

ЖЕНЩИНА БЛАТНОГО МИРА

Блатной мир знает два разряда женщин: собственно воровки, чьей профессией являются кражи, как и у мужчин-блатарей, и проститутки, подруги блатарей.

Первая группа значительно меньше численностью, чем вторая, и в кругу «уркачей», считающих женщину существом низшего порядка, пользуется некоторым уважением — вынужденным признанием ее заслуг и деловых качеств. Обычно сожительница какого-либо вора, воровка участвует нередко в разработках планов краж, в самих кражах. Но в мужских «судах чести» она участия не принимает. Такие правила продиктовала сама жизнь — в местах заключения мужчины и женщины разобщены, и это обстоятельство внесло некоторое различие в быт, привычки и правила того и другого пола. Женщины все же мягче, их «суды» не так кровавы, не так жестоки приговоры. Убийства, совершенные женщинами-блатарками, более редки, чем на мужской половине блатного «дома». Вовсе исключено, что воровка может «жить» с каким-либо фраером.

Проститутки — вторая, бо́льшая группа женщин, связанных с блатным миром. Это — известная подруга вора, добывающая для него средства к жизни. Само собой, проститутки участвуют, когда надо, и в кражах, и в «наводках», и в «стрёме», и в укрывательстве и сбыте краденого, но полноправными членами преступного мира они вовсе не являются. Они — непременные участницы кутежей, но и мечтать не могут о «прави́лках» [судах блатарской «чести». — *Ред.*].

Потомственный «урка» с детских лет учится презрению к женщине. «Теоретические», «педагогические» занятия чередуются с наглядными примерами старших. Существо низшее, женщина создана лишь затем, чтобы насытить животную страсть вора, быть мишенью его грубых шуток и предметом публичных побоев, когда блатарь «гуляет». Живая вещь, которую блатарь берет во временное пользование.

Послать свою подругу-проститутку в постель начальника, если это нужно для пользы дела, — обычный, всеми одобряемый «подход». Она и сама разделяет это мнение. Разговоры на эти темы всегда крайне циничны, предельно лаконичны и выразительны. Время дорого.

Воровская этика сводит на нет и ревность, и «черемуху». По освященному стариной обычаю, вору-вожаку, наиболее «авторитетному» в данной воровской компании, принадлежит выбор своей временной жены — лучшей проститутки. И если вчера, до появления этого нового вожака, эта проститутка спала с другим вором, считалась его собственной вещью, которую он мог одолжить товарищам, то сегодня все эти права переходят к новому хозяину. Если завтра он будет арестован, проститутка снова вернется к прежнему своему дружку. А если и тот будет арестован — ей укажут, кто будет новым ее владельцем. Владельцем ее жизни и смерти, ее судьбы, ее денег, ее поступков, ее тела. Где же тут жить такому чувству, как ревность?.. Ему просто нет места в этике блатарей.

Вор, говорят, человек, и ничто человеческое ему не чуждо. Возможно, что бывает жаль уступить свою подругу, но закон есть закон, и блюстители «идейной» чистоты, блюстители чистоты блатных нравов (без всяких кавычек) укажут немедленно на ошибку возревновавшего вора. И он подчинится закону.

Бывают случаи, когда дикий нрав и истеричность, свойственная почти всем уркачам, толкает блатаря на защиту «своей бабы». Тог-

да этот вопрос уже становится суждением «правилок», и блатные «прокуроры» требуют наказания виновного, взывая к авторитету тысячелетних установлений. Обычно же до ссоры дело не доходит, и проститутка покорно спит с новым ее хозяином.
Никакого дележа женщин, никакой любви «втроем» в блатном мире не существует.

В лагере мужчины и женщины разобщены. Однако в местах заключения есть больницы, пересылки, амбулатории, клубы, где мужчины и женщины все же видят и слышат друг друга. Изобретательности заключенных, их энергии в достижении поставленной цели можно поражаться... В лагере огромна энергия блатаря, направленная на свидание с какой-нибудь проституткой. Важно найти место, куда эта проститутка должна прийти, — а в том, что она придет, блатарь никогда не сомневается. Карающая рука настигнет виновную. И вот она переодевается в мужское платье, спит вне программы с надзирателем или нарядчиком, чтобы в назначенный час проскользнуть туда, где ее ждет вовсе ей незнакомый любовник. Любовь разыгрывается торопливо, как летнее цветение трав на Крайнем Севере. Проститутка уходит назад в женскую зону, попадается на глаза надзирателям, ее сажают в карцер, приговаривают к месячному заключению в изоляторе, отправляют на штрафной прииск, и все это она переносит безропотно и даже гордо — она выполнила свой проституточий долг.

В большой северной больнице для заключенных был случай, когда к видному блатарю — больному хирургического отделения — сумели привести проститутку на целую ночь, на больничную койку, и там она спала по очереди со всеми восемью ворами, находившимися в то время в палате. Дежурному санитару из заключенных пригрозили ножом, дежурному вольнонаемному фельдшеру подарили костюм, сдернутый с кого-то в лагере, — хозяин его опознал, подал заявление, усилий скрыть это дело было приложено очень много.

Девушка эта была отнюдь не расстроена, не смущена, когда ее обнаружили утром в палате мужской больницы.

— Ребята просили выручить их, и я пришла, — спокойно объясняла она.

Нетрудно догадаться, что блатари и их подруги почти сплошь сифилитики, а о хронической гонорее даже в наш пенициллиновый век и говорить не приходится. Известно классическое выражение — «сифилис — не позор, а несчастье». Здесь сифилис не только не позор, но считается счастьем, а не несчастьем заключенного... Прежде всего, принудительное лечение венериков обязательно, и это знает каждый блатарь. Он знает, что «притормозится», что в глухое место со своим сифилисом не попадет, а будет жить и лечиться в сравнительно благоустроенных поселках — там, где есть врачи-венерологи, специалисты. Все это настолько хорошо рассчитано и угадано, что венериками себя заявляют даже те блатари, которых Бог миловал от четырех и трех крестов реакции Вассермана. И нетвердость отрицательного лабораторного ответа в этой реакции блатарям тоже отлично известна. Поддельные язвы, лживые жалобы — дело обычное, наряду с истинными язвами и вескими жалобами.

Венерических больных, подлежащих лечению, собирают в особые зоны. Когда-то в таких зонах вовсе не работали, и это было самым подходящим «убежищем» для блатарей. Позднее эти зоны устраивались на особых приисках или лесных командировках, где, кроме сальварсана и пайка питания, арестанты должны были работать по обычным нормам. Но фактически никогда в таких зонах настоящего спроса работы не было, и жилось в этих зонах много легче, чем на обычном прииске.

Венерические мужские зоны были всегда местом, откуда в больницу поступали молодые жертвы блатарей — зараженные сифилисом через задний проход. Блатари почти сплошь педерасты — в отсутствие женщин они развращали и заражали мужчин, чаще всего под угрозой ножа, реже — за «тряпки» (одежду) или за хлеб.

Говоря о женщинах в блатном мире, нельзя пройти мимо целой армии этих «Зоек», «Манек», «Дашек» и прочих существ мужского пола, окрещенных женскими именами. Поразительно то, что на эти женские имена носители их откликались самым нормальным образом, не видя в этом ничего позорного или оскорбительного для себя.

Кормиться за счет проститутки не считается зазорным для вора. Напротив, сутенерство — одна из «заманчивых» деталей профессии, весьма нравящаяся воровской молодежи...

Личное общение с вором проститутка должна ценить очень высоко. Но бывают случаи, когда чувство, заменяющее любовь, а также чувство самолюбия, чувство жалости к самой себе толкает женщину блатного мира на «незаконные» поступки.

Конечно, с воровки тут спроса больше, чем с проститутки. Воровка, живущая с надзирателем, совершает измену, по мнению блатных начётчиков. Ее могут избить, указывая на ее ошибку, а то и просто прирезать как «суку».

Проститутке такой проступок не будет вменен в грех.

В этих конфликтах женщины с «законом» ее мира вопрос решается не всегда одинаково, а зависит от личных качеств человека.

Тамара Цулукидзе, двадцатилетняя красавица-воровка, бывшая подруга видного тбилисского уркача, сошлась в лагере с начальником культурно-воспитательной части Грачевым — бравым тридцатилетним лейтенантом, красавцем-холостяком.

У Грачева была и еще любовница в лагере, полька Лещевская — одна из знаменитых «артисток» лагерного театра. Когда он сошелся с Тамарой, она не требовала бросить Лещевскую. Лещевская же ничего не имела против Тамары. Бравый Грачев жил сразу с двумя «женами», склоняясь к мусульманскому обычаю. Будучи человеком опытным, он старался распределять свое внимание поровну между обеими, и это ему удавалось. Делилась не только любовь, но и ее материальные проявления — каждый съестной подарок готовился Грачевым в двух экземплярах. С помадой, лентами и духами он поступал точно таким же образом — и Лещевская, и Цулукидзе получали в один и тот же день совершенно одинаковые ленты, одинаковые склянки с духами, одинаковые платочки.

Это выглядело весьма трогательно. Притом Грачев был парень видный, чистоплотный. И Лещевская, и Цулукидзе (они жили в одном бараке) были в восторге от тактичности своего общего возлюбленного. Однако подругами они не стали, и когда внезапно Тамара была приглашена держать ответ перед больничными ворами, Лещевская втайне злорадствовала.

Однажды Тамара заболела — лежала в больнице, в женской палате. Ночью двери палаты отворились, и на порог шагнул, гремя косты-

Фото: Владимир СИКОРСКИЙ

лями, посол уркачей. Блатной мир протягивал к Тамаре свою длинную руку.

Посол напомнил ей законы блатной собственности на женщину и предложил явиться в хирургическое отделение и выполнить «волю пославшего».

В больнице, по словам посла, были люди, знавшие того тбилисского блатаря, чьей подругой считалась Тамара Цулукидзе. Сейчас его здесь заменяет Сенька Гундосый. В его объятия и должна незамедлительно проследовать Тамара.

Тамара схватила кухонный нож и бросилась на хромого блатаря. Его едва отбили санитары. Угрожая и матерно понося Тамару, посол удалился. Тамара на следующее же утро выписалась из больницы.

Попыток возвратить заблудшую дочь под блатные знамена было сделано немало, и всякий раз безуспешно. Тамару ударили ножом, но рана была пустяковой. Пришел конец срока наказания, и она вышла замуж за какого-то надзирателя — за человека с револьвером, а блатному миру она так и не досталась.

Синеглазая Настя Архарова, курганская машинистка, не была ни воровкой, ни проституткой и не по своей воле навеки связала свою судьбу с воровским миром.
Всю жизнь, с юных лет, Настю окружало подозрительное уважение, зловещее почтение таких людей, о которых она читала в детективных романах. Это уважение, замеченное Настей еще «на воле», существовало и в тюрьме, и в лагере — везде, где появлялись блатари.

Тут не было ничего таинственного — старший брат Насти был видным уральским «скокарем», и Настя с юных лет купалась в лучах его уголовной славы, его удачливой воровской судьбы. Незаметным образом Настя оказалась в кругу блатарей, их интересов и дел и не отказала помочь спрятать украденное. Первый трехмесячный срок укрепил и ожесточил ее, накрепко связал с блатным миром. Пока она была в своем городе, воры, боясь гнева брата, не решались пользоваться Настей как блатной собственностью. По «социальному» положению она стояла ближе к воровкам, проституткой же вовсе не была — и в качестве воровки отправилась в обычные дальние путешествия на казенный счет. Здесь уже не было брата, и в первом же городе, куда она попала после первого освобождения, ее сделал своей женой местный вожак-блатарь, попутно заразив гонореей. Его вскоре арестовали, и он спел Насте на прощанье воровскую песенку: «Тобой завладеет кореш мой». С «корешем» Настя жила также недолго — того посадили в тюрьму, а на Настю предъявил права очередной владелец. Насте он был отвратителен физически — какой-то вечно слюнявый, больной каким-то лишаем. Она пробовала защититься именем брата — ей было указано, что и брат ее не вправе нарушать великие законы блатного мира. Ей пригрозили ножом, и она прекратила сопротивление.

В больнице Настя покорно являлась на «любовные» вызовы, часто сидела в карцере и много плакала — не то слезы у нее были слишком близко, не то слишком страшила ее судьба, судьба двадцатидвухлетней «зэчки».

Востоков, пожилой врач больницы, тронутый Настиной судьбой, похожей, впрочем, на тысячи других таких же судеб, пообещал ей помочь устроиться машинисткой в конторе, если она изменит свою жизнь.

— Это не в моей воле, — ответила врачу Настя. — Меня не спасти...

В моральном кодексе блатаря, как в Коране, декларировано презрение к женщине. Женщина — существо презренное, низшее, достойное побоев, недостойное жалости. Это относится в равной степени ко всем женщинам — любая представительница другого, не блатного, мира презирается блатарем. Изнасилование «хором» — не такая редкая вещь на приисках Крайнего Севера. Начальники перевозят своих жен в сопровождении охраны; женщина одна не ходит и не ездит вовсе никуда. Маленькие дети охраняются подобным же образом: растление малолетней девочки — всегдашняя мечта любого блатаря. Эта мечта не всегда остается только мечтой.

В презрении к женщине блатарь воспитывается с самых юных лет. Проститутку-подругу он бьет настолько часто, что та перестает, говорят, чувствовать любовь во всей ее полноте, если почему-либо не получит очередных побоев. Садистские наклонности воспитываются самой этикой блатного мира. Никакого товарищеского, дружеского чувства к «бабе» блатарь не должен иметь. Не должен он иметь и жалости к предмету своих «подземных» увеселений. Никакой справедливости по отношению к женщине своего же мира быть не может — женский вопрос вынесен за ворота этической «зоны» блатного мира...

Воровке или подруге вора, женщине, прямым или косвенным образом вошедшей в преступный мир, запрещаются какие бы то ни было «романы» с фраерами. Изменницу, впрочем, в таких случаях не убивают, не «заделывают начисто». Нож — слишком благородное оружие, чтобы применять его к женщине, — для нее достаточно палки или кочерги.

Совсем другое дело, если речь идет о связи мужчины-вора с вольной женщиной. Это — честь и доблесть, предмет хвастливых рассказов одного и тайной зависти многих. Такие случаи не так уж редки. Однако вокруг них воздвигаются такие горы сказок, что уловить истину очень трудно. Машинистка превращается в прокуроршу, курьерша — в директора предприятия, продавщица — в министра. Небывальщина оттесняет истину куда-то вглубь сцены, в темноту, и разобраться в спектакле немыслимо.

Не подлежит сомнению, что какая-то часть блатарей имеет семьи в своих родных городах, семьи, давно уже покинутые блатными мужьями. Жены их с малыми детьми сражаются с жизнью каждая на свой лад. Бывает, что мужья возвращаются из мест заключения к своим семьям — но обычно ненадолго. «Дух бродяжий» влечет их к новым странствиям, да и местный уголовный розыск способствует быстрейшему отъезду. А в семьях остаются дети, для которых отцовская профессия не кажется чем-то ужасным, а вызывает жалость и, более того, — желание пойти по отцовскому пути...

От вопросов отцовства, воспитания детей блатарь неизбежно далек — эти вопросы вовсе исключены из блатного талмуда. Будущее дочерей (если они где-нибудь есть) представляется вору совершенно нормальным в карьере проститутки, подруги какого-либо знатного вора. Вообще никакого морального груза (даже в блатарской специфичности) на совести блатаря тут не лежит. То, что сыновья станут ворами, — тоже представляется вору совершенно естественным. Потомственные воры — это и есть кадровое ядро преступного мира, его «вожди» и «идеологи».

1959

квартале перебыло десять мужиков, у Катьки — три, у меня же — ни одного не было. Но в среднем получается, что и я шлюха?

На праздновании 8 Марта просит женщин сесть слева, левушек — справа. Все рассеились, только одна мечется туда-сюда.
— В чем дело?
— А я — пугана!
— Тогда садись в президиум!

— **И**ду я, значит, году этак в тысяча восемьсот восемьдесят. Дай Бог памяти, в каком по Дерибасовской. И таки как раз в одном доме, номер не скажу, помещался публичный дом.

Я захожу. Выходит ко мне тетя Бесси (Какая женщина! О чем разговор!) и предлагает альбомчик: нейптинка — двадцать рублей, полячка — пятнадцать, американка — десять. А у меня в заначке — только пять рублей. Я подхожу к Бесси и говорю: «Послушай, Бесси, ты же знаешь, как мне хочется побаловаться, но у меня в кармане — только пять рублей!» — «Пожалуйста, — говорит она, — за пять рублей — только меня!»

Ну, и мы с ней так чудно побаловались — о чем разговор! Так слушайте меня сюда. Иду я, значит, в разгар двадцатых, в угар нэпа, по той же Дерибасовской. Вижу: в том же доме, где был публичный дом, находится таки швейная мастерская, шьют кальсоны для нашей доблестной армии. Я захожу — за кассой сидит та самая тетя Бесси. Я подхожу и говорю: «Послушай, Бесси! Ты помнишь, как мы с тобой в одна тысяча восемьсот восемьдесят каком-то году чудесно побаловались?» — «Господи, — говорит она, — конечно, помню все прекрасно!» И кричит, перегнувшись через кассу в зал: «Моня! Моня! Пойди полюбуйся, раздень глаза и узнай-таки своего папочку!» Из-за двери выходит какой-то амбал и начинает молча меня бить. Он

— Ресторан на нас двоих закупаю на неделю.
— Нет!
— Какова же ваша цена?
— Выведите ваши «Першинги» из Европы.

Иностранец попросил московскую проститутку показать что-то сугубо русское.
— Рязаночку хочешь?
— Да.

Вскоре из комнаты доносится страшный крик. Она объясняет прибежавшим на помощь, что это за прием: головку берут в рот, а шкурку на голову натягивают.

Окрылся советский публичный дом. Иностранный турист вызывает к себе в номер женщину со странным именем Marija Petrovna.

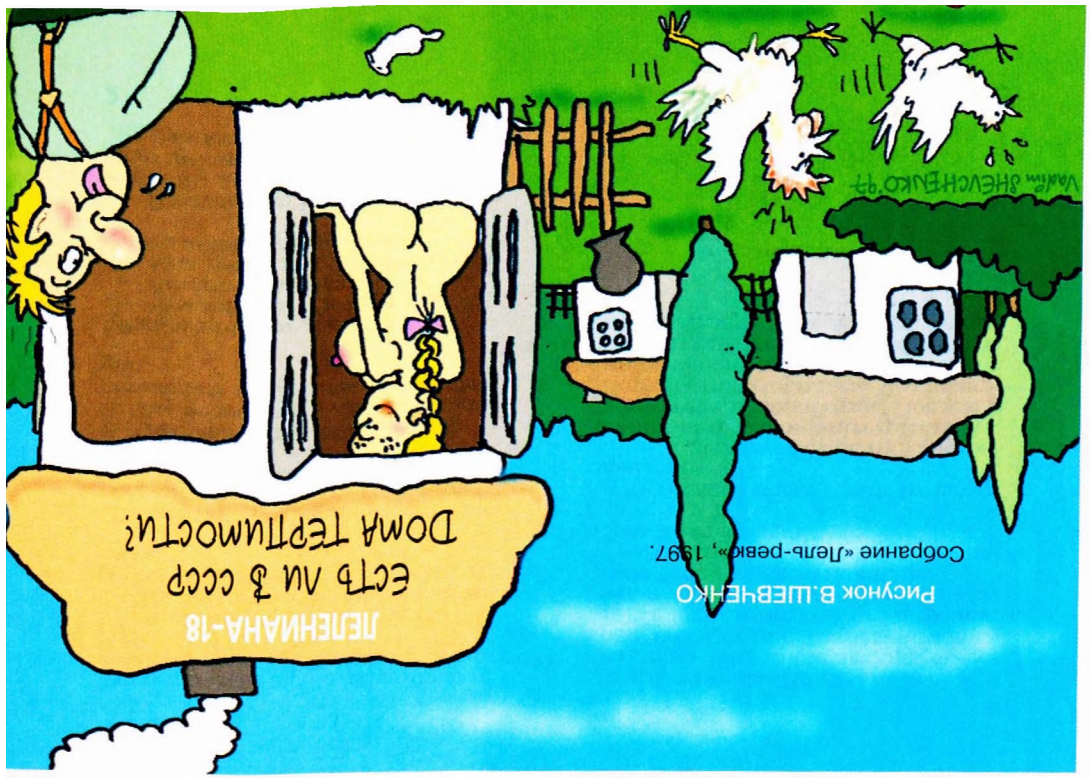
Через несколько минут в дверь входит полная, явно немолодая женщина с большой сумкой в руках и кокетливо интересуется, где в номере ванная комната. Иностранец показывает ей ванную и идет в номер готовить коктейли.

Проходит двадцать минут, полчаса — заадочной русской женщины все нет. Проходит час — иностранец решается заглянуть в ванную. Там он видит огромное голубое ложе — в умении пытается понять слова женщины:

—Вы уж извините, горячей воды дома не бывает, пятый этаж — не наносишься, я тут вот немного простирну — и сейчас: даже не бу-ду оставлять сушиться: в доме муж, дети, а ванная одна на четыре семьи в коммуналке...

— Боже мой, — кричит иностранец. — А мне еще говорили, что русские женщины — чувственные и страстные!!

— Ах да, — устало говорит женщина и ставит сумку с мокрым бельем на пол. После чего заученно-деловито сжимает иностранца в стальных объятиях. — Нараз-то за два человеко-часа поднишешь?



вся в синяках, и спрашивают:
— Ну, как твой садист, что делал?
— Да завел в подъезд и бил, пока за пятерку не согласилась!

Корреспондент берет интервью:
— Вот вы — инженер, кандидат наук, член партии, мать двоих детей. Как вы стали путаной?!
— Даже не знаю... Просто повезло, наверное.

Армянскому радио задают вопрос:
— Какая разница между проституткой, бл...ю и пробл...ю?
— Мы считаем, что проститутка — это женщина, занимающаяся любовью за деньги. Бл...ь — это женщина, занимающаяся любовью из удовольствия. Пробл...ь — это женщина, которую выгнали из публичного дома за бл...ство.

В Одессе открыли публичный дом для иностранных моряков.
Дабы соблюсти приличия, его назвали НИИПС — Научно-исследовательский институт половых связей. Работа в институте шла отлично.
— В чем секрет ваших успехов? — спросил журналист директора института.
— Это единственный НИИ в стране, где не занимаются онанизмом!

В Одессе решили открыть публичный дом. Пригласили Габриловича, у которого бабушка была до революции хозяйкой борделя.
— Будешь заведующим?
— Никогда в жизни! Я знаю, чем это пахнет: пять коек придется отдавать горкому, три — для горисполкома, органам внутренних дел — тоже давай, потом десять девушек — на сельхозработы, десять — на всякие совещания, заседания, симпозиумы, а ты, Габрилович, ложись и давай план?

В Одессе открылся первый публичный дом.
Из рассказа первого клиента.

У армянского радио спрашивают:
— Есть ли в СССР дома терпимости?
Армянское радио отвечает:
— Да, но почему-то они все за городом и называются домами отдыха.

Студентку вуза спрашивают, сколько ей нужно денег, чтобы превратить студенческое общежитие в публичный дом.
— Две копейки, — отвечает она. — Чтобы позвонить туда и сказать: переходим на легальное положение.

Разговаривают две соседки.
— Чем занимается твоя дочь?
— Летает. Она стюардесса.
— Моя тоже где-то летает, но это как-то иначе называется...

— **П**ослушайте, Рабинович, вы не могли бы дать мне адрес ближайшего публичного дома?
— Записывайте.

— Я соврала. На самом деле и я не знаю, что такое любовь по-еврейски. Но у нас в заведении дела так плохи, клиенты столь редки, что я согласна сделать все, что вы скажете, и даже за полцены.
— Милая, так это же и есть любовь по-еврейски!

На нижней полке в купе беседуют две дамочки.
— Ни Дерибасовская, ни Приморский, ни одесские «интуры» не делают теперь заработка. Поедем в Воркуту или Норильск. Там полярники за одну ночь «кусок» платят.
— Слухайте сюда: не забывайте, шо на Севере ночь полгода тянется!

— **Г**оворят, при переходе к рыночной экономике проститутки подорожают.
— У тебя на уме одна экономика!

Пришел мужик в публичный дом.
— Ну, что тут у вас можно за червонец поиметь?
Ему подали небольшую дощечку.
— На эти деньги только вот это.
— Но здесь даже дырки нет!
— Конечно, она еще девочка.

Приходит еврей в публичный дом и говорит:
— Я хочу девушку для любви по-еврейски.
В публичном доме переполох: любовь по-французски — знаем, по-испански — знаем, а что такое любовь по-еврейски — даже не слышали... И вдруг одна совсем молоденькая проститутка заявляет:
— Я знаю, что это такое.
Поднялась она с клиентом в номер, разделась и говорит ему:

— Записываю.
— Париж, площадь Согласия, 32.

В телепередаче «Что? Где? Когда?» один находчивый зритель задал вопрос:
— Правда ли, что у всех путан блестят глаза?
Армянское радио отреагировало так: мол, если бы это было правдой, в Европе были бы белые ночи.
— Если это намек, то у нас блеском глаз отличаются не только путаны!

Председатель колхоза докладывает о работе в очередном квартале. Пшеницы, мол, собрали столько-то с одного гектара, подсолнечника — столько-то, кукурузы — столько-то. В среднем урожайность с гектара по колхозу — такая-то. Одна доярка не согласилась с его частными выводами «в среднем».
— Это что же получается, Иван Иванович? У Маруськи в этом

бает меня десять минут — я молчу. Бьет пятнадцать — я молчу. Бьет двадцать — молчу. Через тридцать минут я не выдерживаю и кричу:
— Послушай, Моня! Какой же ты все-таки пой! Ведь ежели у меня тогда было бы двадцать рублей — ты был бы нерпом!..

В публичном доме дореволюционного Петербурга открывается дверь:
— Ванька, кончай в пещку подбрасывать — клиент потеет и соскальзывает!

Просыпается утром клиент у проститутки, а по нему тараканы ползают:
— Что ж ты, сука, меня тараканами провожаешь!
— А ты хотел, чтобы за три рубля по тебе собрала скакалки?

Профессор читает лекцию в институте. Бодрет опоздавшая студентка. Профессор спрашивает:
— Почему вы опоздали?

Король, узнав про это, отправил ей дневдцать шевельцев, имевших при себе пять су на брата.
— На сей раз, — сказал он, — пусть похвастается, что ее изрядно утешили, но мало заплатили.

Встречаются на Дерибасовской две одессистки и, конечно, начинают друг на друга орать:
— Сара, ты — старая проститутка!
— На кого будик кришишь! При чем тут возраст?!

Американский миллионер во Львове захотел провести время с девушкой. Выбрал самую красивую.
— Ну как, развлеклемся?
— Вы не сможете со мной расплатиться.
Тот и поехатился со смеху:
— Да я вам за ночь десять тысяч долларов могу заплатить!
— Нет!

— Захожу я внутрь, а там две двери. На одной надпись: «Блондинки», на другой — «Брюнетки». Я к «блондинкам». А там опять две двери: «бесплатные» и «платные». Я к бесплатным». Захожу — «кастрюлькье» и «голубогазьке». Я к «голубогазьим». Там опять две двери: «подженьким» и «худженьким». Я к «подженьким». Захожу — две двери: «с изврашенциями» и «без извращений». Я в дверь «с извращениями», открываю и выхожу на Дерибасовскую.

Король Перних III провел с одной знаменитой куртизанкой ночь. На следующий день она, наштукив на себя важный вид, рассказывала всем и каждому, что провела ночь с королем.
— А что, — спросил ее кто-то, — король в этом деле лучше смертных?
— Они лучше платят. — отвечала она, — но, пожалуй, это только и уменьшит. Приходится терпеть: одна тысяча ежо золотом на земле не валяется.

Студентка:
— Извините, профессор. Я только что с вокзала. Представляете: там пострадали подарочки с проститутками.
Профессор:
— И как там наши?
Студентка:
— Не знаю, как ваши, профессор, но наши еще с полчаса продержатся.

Интервью с владельцем первого кооперативного публичного дома.
— А начинали мы очень скромно: я, жена, теща...

Мимо левин, стоящих на панели, идет мужик и размахивает палкой ленет:
— Кто со мной? Плачу сто рублей!
Но предупреждало: я сдаюсь.
Обычная такса — пять рублей, но никто не хочет идти с сдаюсь.
Наконец одна все же идет с ним.
Назавтра она встречается со своими подругами. Те видят, что она

«Тобой завладеет кореш мой»

Варлам Шаламов не зря еще в 1959 году назвал эту песню «старинным лирическим романсом преступного мира»: о ее достаточно «древнем» происхождении свидетельствует, в частности, такой архаизм, как «шикарная карета». В основу приводимого текста положена подпольная магнитозапись 70-х годов известного собирателя и исполнителя блатного фольклора Аркадия Северного.

Луной озарились зеркальные воды,
Где, детка, сидели мы вдвоем.
Так нежно, так сладко забилось
мое сердце,
Ушла ты, не сказала ни о чем.

Люби меня, детка, пока я на воле,
Пока я на воле — я твой.
Тюрьма нас разлучит, я буду жить
в неволе,
Тобой завладеет кореш мой.

Я вор и бандит из преступного мира,
Меня ведь так трудно любить.
Не лучше ль нам, детка, с тобою
расстаться,
Навеки друг друга позабыть?

Я срок получу, меня вышлют далёко,
Далёко в сибирские края.
Ты будешь богатой и, может быть,
счастливой,
А я — никогда, никогда.

Ты будешь богатой и, может быть,
счастливой,
Я ж — вечный бродяга и вор.
В шикарной карете тогда проедешь
мимо,
И ты не заметишь мой взор.

Я буду лежать на тюремной кровати,
Я буду лежать и умирать,
А ты не придешь, моя милая детка,
Меня обнимать и целовать.

Люби ж меня, детка, пока я на воле,
Пока я на воле — я твой.
Тюрьма нас разлучит, я буду жить
в неволе,
Тобой завладеет кореш мой.

«Здравствуй, моя Мурка, и прощай!»

Это тоже бесспорная «классика жанра», песня, весьма широко известная и во «фраерском мире», притом в различных версиях. Время ее создания и распространения можно определить довольно точно по некоторым реалиям: это период функционирования упоминаемой в тексте «губчека» — губернской чрезвычайной комиссии, — а таковые существовали с 1918 по 1922 год. И еще характерная деталь — «кожаная тужурка» на Мурке. Ну, и конечно же, песня эта — одесского происхождения.

Прибыла в Одессу банда из Амура,
В банде были урки, шулера,
Банда занималась темными делами,
И за ней следила губчека.

Речь держала баба, звали ее Мурка,
Хитрая и смелая была.
Даже злые урки, и те боялись Мурки,
Воровскую жизнь она вела.

«Вот пошли провалы, начались облавы,
Много стало наших попадать.
Как узнать скорее, кто же стал шалавой,
Чтобы за измену покарать?

Кто чего узнает, кто чего услышит,
Нам тогда не следует зевать:
Нож пускай подшпилит, пистолет поставит,
Пистолет поставит — пусть лежат».

Как-то шли на дело, выпить захотелось,
Мы зашли в шикарный ресторан,
А там сидела Мурка в кожаной тужурке,
И из-под полы торчал наган.

Мурка, в чем же дело? Что ты не имела?
Разве я тебя не одевал?
Кольца и браслеты, юбки и жакеты
Разве я тебе не добывал?

Здравствуй, моя Мурка, здравствуй, дорогая,
Здравствуй, моя Мурка, и прощай!
Ты зашухарила всю нашу малину
И за это пулю получай!

Черный ворон крячет, мое сердце плачет,
Мое сердце плачет и болит.
В темном переулке, где гуляли урки,
Мурка окровавлена лежит.

Полного, «канонического» текста «Мурки», возможно, и не существует — во всяком случае, нам он не известен. А то, что вы сейчас прочли, — это контаминация двух версий, записанных сравнительно недавно Борисом Рубашкиным и Мишей Гулько. Отличаются они количеством куплетов и кое-какими деталями. Правда, во второй версии (у Гулько) имеется еще повторяющийся после каждого куплета припев: «Мурка, ты мой Мурёночек», / Мурка, ты мой котёночек, / Мурка, Маруся Климова, / Прости любимого». Но нам доподлинно известно, что это, как говорят, «совсем из другой оперы». Была еще в далекие довоенные времена длиннейшая песня, повествовавшая о любви лирического героя к некоей Марусе Климовой и об их бракосочетании, — так вот, этот припев именно оттуда. А песня была довольно забавная:

И вот пришли с Марусей в загс,
Чтоб расписаться для первоначала,
А чтоб брак наш закрепить,
Святая церковь нас с Марусей обвенчала.

Стояли мы пред алтарем,
Держали свечи мы с таким большим фасоном,
А пономарь, отец Пахом,
Благословил нас колокольным перезвоном.

Но увы — брак оказался недолговечным, и вот в припеве уже нет ни «Мурёночка», ни «котёночка»:

Мурка, Маруся Климова,
Мурка, ты дрянь паршивая,
Мурка, ты тварь безбожная!
Мурка, отдай пирожные!

Но вернемся к нашей, классической «Мурке». История этой песни полна неожиданных поворотов и превращений. Уже в начале 30-х годов «Мурка» зазвучала с граммофонной пластинки. Напел ее в Риге довольно известный впоследствии исполнитель Константин Сокольский. Правда, это был уже не первоначальный «блатной» вариант: «Мурка» предстала перед слушателями приглаженной, облагороженной, — одним словом, вполне «галантерейной»:

Знаете ль вы Мурку, Мурку дорогую?
Помнишь ли ты, Мурка, наш роман?
Как с тобой любили, время проводили
И совсем не знали про обман.

Как-то было дело, выпить захотел я
И зашел в шикарный ресторан.

Вижу в зале бара — там танцует пара:
Мурка и какой-то юный франт.

Я к ней подбегаю, за руку хватаю:
«Мне с тобою надо говорить!»
А она смеется, только к парню жмется.
«Нечего, — сказала, — говорить!»

Мурка, в чем же дело? Что ты не имела?
Разве я тебя не одевал?
Шляпки и жакеты, кольца и браслеты
Разве я тебе не покупал?

Здравствуй, моя Мурка, здравствуй, дорогая,
Здравствуй, моя Мурка, и прощай!
Ты меня любила, а теперь забыла —
И за это пулю получай!

А вскоре после этого взоры к «Мурке» обратил и Леонид Утёсов. Несколько ранее он уже исполнял в программе своего «теа-джаза» такие «шедевры», как «Гоп со смыком», «С одесского кичмана», «Бублички», и даже умудрился записать их на пластинки, — за что и получил, как говорится, «по первое число». Стало быть, исполнять «Мурку» в оригинальной версии было явно небезопасно. Но все равно хотелось... И Утёсов сделал «ход конем»: заказал на эту мелодию совершенно новый текст, который написал для него В.Лебедев-Кумач — в недалеком будущем первейший «культовый» поэт, автор «Песни о Родине», многих песен о Сталине и т.п., а тогда скромный фельетонист журнала «Крокодил». И обновленная, изобретательно аранжированная для оркестра «Мурка» получила невинное «фраерское» название «У окошка»:

Солнце догорает, наступает вечер,
А кругом — зеленая весна.
Вечер обещает радостную встречу,
Радостную встречу у окна.

Ласково и нежно запоет гармошка,
А за ней тихонечко и я.
Дрогнет занавеска, глянет из окошка
Милая, хорошая моя.

Вот такая вышла лирика. И, может, все было бы ничего, не случись как раз под это время эпопея спасения «челюскинцев» с дрейфующей льдины. Желая как-то откликнуться на это возбудившее всю страну событие, Утёсов тут же сочинил и спел злободневные куплеты — на мотив все той же полюбившейся ему «Мурки»:

Шмидт сидит на льдине, точно на малине,
И качает серой бородой:
Если бы не Мишка, Мишка Водопьянов,
Не качал бы серой бородой.

(Здесь, очевидно, не лишним будет пояснение: Отто Шмидт — широко известный в те годы полярный исследователь, руководитель экспедиции на «Челюскине»; Михаил Водопьянов — не менее известный полярный летчик, в числе первых получивший за спасение «челюскинцев» новоучрежденное звание Героя Советского Союза.)

Очередная утёсовская выходка была расценена чуть ли не как идеологическая диверсия (петь о героях-полярниках в таком тоне — «на малине», — да еще на мотив блатной песни!), артист получил очередную выволочку и после этого какое-то время пел только патриотические песни советских композиторов. «Мурка» его явно подвела...

Еще одно явление «Мурки» в новой ипостаси произошло в годы войны и осталось зафиксированным только в военных дневниках Константина Симонова, автора текста весьма известной в свое время «Корреспондентской застольной». Помните?

От Москвы до Бреста нет такого места,
Где бы не скитались мы в пыли.
С «лейкой» и блокнотом, а то и с пулеметом
Сквозь огонь и стужу мы прошли...

Так вот, оказывается, эта песня была сочинена (не написана — сложена в уме) во время долгого переезда в военном джипе зимними фронтовыми дорогами — и на мотив... да-да, опять же «Мурки». И пели ее поначалу в дружеском кругу именно на этот мотив, пока композитор М.Блантер не написал новую музыку.

Однако за всяческими переделками не был забыт и первоначальный текст «Мурки». А в 60-е годы ее возродил австрийский певец русского происхождения Борис Рубашкин, записав в ряду других русских песен (в том числе и блатных) на долгоиграющую пластинку, — и таким образом «Мурка», уже в многочисленных магнитофонных копиях, вновь заявила о себе на родине. Но подлинным ее триумфом стало «живое» исполнение тем же Рубашкиным в 1989 году в огромном зале Московского театра эстрады, транслировавшееся Центральным телевидением на всю страну, — а затем и появление на диске всесоюзной фирмы «Мелодия», выпущенном массовым тиражом. Это было как бы восстановление «Мурки» в правах гражданства. «Здравствуй, моя Мурка!»

Вот такая судьба у этой блатной песни. Можно сказать, завидная судьба.

«Воровская любовь горяча и сильна»

В отличие от «Мурки», эта песня, — или, если хотите, романс, — бытовавшая в довоенные годы, ныне основательно подзабыта; да, в общем, и не была она столь популярной. Но, коль скоро мы углубились в историю жанра, небезынтересно будет познакомиться и с ней. А восстановил и записал ее на компакт-диск уже в наши дни, совсем недавно, Алексей Хвостенко, под титлом «Дочь прокурора».

Восемнадцать ей было, никого не любила,
Всё с каким-то презреньем, всё глядит на людей.
Не подарит улыбкой, не посмотрит как надо,
И напрасно ребята увлекалися ей.

Но однажды на танцах к ней прилично одетый,
К ней прилично одетый паренек подошел,
Суеверный красавец из преступного мира,
Поклонился он Нине и увлек на бостон.

Осмотрел он ее со сноровкою вора,
Осмотрел он ее, как козырную масть,
И прекрасная Нина, эта дочь прокурора,
Отдалася ему в его полную власть.

Сколько было тут слов, сколько было тут ласки!
Воровская любовь горяча и сильна.
Ничего он не хочет, ничего не желает —
Только тела красотки, только чашу вина.

Но судьба жигана изменяется часто:
То тюрьма, то свобода, то опять лагеря,
И однажды во вторник суеверный красавец,
Он спалил на бан**у** и ее, и себя.

Там за красным столом, одурманенный дымом,
Прокурор осушает за стаканом стакан,
А на черной скамье, на скамье подсудимых,
Сидит дочка-красотка и красавец-жиган.

Расставались они, расставались надолго,
И жиган попросил попрощаться с женой,
И уста их слились в поцелуе едином,
Лишь отец-прокурор заливался слезой.

«В кепке набок, и зуб золотой»

А вот эту песню, слегка напоминающую по содержанию «Мурку», хотя и с иным сюжетным поворотом, некоторые читатели старшего поколения наверняка вспомнят: ее распевали до войны по дворам даже подростки из вполне приличных семей. Вероятно, именно поэтому Андрей Макаревич напел ее в 1996 году для компакт-диска «Пионерские блатные песни».

Есть в саду ресторанчик отличный,
Скучно-грустно там Лёльке одной.
Подошел к ней парнёк симпатичный
В кепке набок, и зуб золотой.

«Разрешите, гражданка, подсесть к вам,
Одинокий нарушить покой».
И придвинулся ближе к ней парень
В кепке набок, и зуб золотой.

Ночь пришла так спокойно и тихо,
Лёлька поздно вернулась домой,
И всю ночь ей мерещился парень
В кепке набок, и зуб золотой.

А наутро начальник угрозыска
Отдает ей приказ боевой:
Кончить парня в семнадцатой камере
В кепке набок, и зуб золотой.

Входит в камеру пьяной походкою,
И прицел был дрожащей рукой.
Грянул выстрел — и грохнулся парень
В кепке набок, и зуб золотой.

Он лежал так спокойно и тихо,
Как гитара осенней порой,
Только кепка валялась у стенки,
Пулей выбит был зуб золотой.

Есть в саду ресторанчик отличный,
Скучно-грустно там Лёльке одной:
Не придет уж парнёк симпатичный
В кепке набок, и зуб золотой.

«Течёт речечка да по песочку...»

«Речечка» стала широко известна с голоса Владимира Высоцкого, который охотно исполнял и записывал ее в разные периоды своей недолгой творческой жизни, причем с непременной оговоркой: «это песня не моя» или «песня народная». Особенно впечатляюще звучит она в последней по времени и наиболее качественной записи, сделанной Михаилом Шемякиным в Париже. К сожалению, «голый» текст не в состоянии передать ни надрывно-тягучей мелодии, ни голосовых модуляций, — эту песню надо *слышать*.

Течет... течет речечка, ой да по песочку,
Бережок... ох, бережочек моет.
А молодой жульман... ох да молодой жульман
Начальничка молит:

«Ой ты начальничек да над начальниками,
Отпусти... ох, отпусти на волю.
Там соскучилась, а может, ссучилась
На свободе дроля».

«Отпустил... отпустил бы тебя на волю я,
Но воровать... воровать ты будешь.
Поди напейся ты воды холодненькой —
Про любовь забудешь».

«Да пил я воду... ой да пил холодную,
Пил... ох, пил — не напивался.
А полюбил на свободе девчонку я,
С нею наслаждался».

Течет... течет речечка, ой да по песочку,
Моет... моет золотишко.
А молодой жульман, ох да молодой жульман
Заработал «вышку».

Ой, гроб несут... дубовый гроб несут,
Никто слезы... никто слезы не проронит.
А молодая да девчоночка
Жульмана хоронит.

Течет... течет речечка, ой да по песочку,
Бережок... ох, бережочек точит.
А молодая да проституточка
В речке ножки мочит.

Течет...течет речечка...

Как теперь уже известно многим, в ранний, «доконцертный» репертуар Высоцкого, исполнявшийся им преимущественно в кругу друзей и близких знакомых, входило, наряду со старинными и городскими романсами, много сугубо блатных песен, бытовавших в конце 40-х и в 50-е годы в городской среде (в их числе и «Речечка»). Более того — именно в них следует усматривать истоки первых проб тогда еще совсем молодого артиста в песенно-поэтическом жанре. Ведь многие ранние песни самого Высоцкого представляют собой, по сути, не что иное, как стилизации под блатной фольклор. Но уже и они, как правило, стоят неизмеримо выше как по содержанию, так и по поэтическому уровню в сравнении с большинством подлинных блатных песен, исполнявшихся им ранее; и потому последние, за исключением разве что двух-трех, очень скоро были вытеснены из его репертуара песнями собственными, «авторскими». А поскольку простой перечень вряд ли о чем-нибудь скажет неосведомленному читателю, то приведем в заключение нашего обзора одну из таких песен Высоцкого, в чем-то отдаленно перекликающуюся с той же «Речечкой».

Нам вчера прислали из рук вон плохую весть,
Нам вчера сказали, что Алёха вышел весь.
Как же так? Он Наде говорил, что — пофартит,
Что сыграет свадьбу — на неделю загудит...

Не видать девахе этот свадебный гудёж,
Потому что — в драке налетел на чей-то нож,
Потому что — плохо, хоть не в первый раз уже
Получал Алёха дырки новые в душе.

Для того ль он душу, как рубаху, залатал,
Чтоб его убила в пьяной драке сволота!
Если б всё в порядке — мы б на свадьбу нынче шли...
Но — с ножом в лопатке поутру его нашли.

Что ж, поубивается девчонка, поревет,
Что ж, посомневается — и слезы оботрет,
А потом без вздоха отопрет любому дверь...
Ничего, Алёха, все равно тебе теперь!

Мы его схороним очень скромно — что рыдать?
Некому о нем и похоронную послать,
Потому — никто не знает, где у Лёхи дом.
Вот такая смерть шальная всех нас ждет потом.

Что ж, поубивается девчонка, поревет,
Чуть посомневается — и слезы оботрет,
А потом без вздоха отопрет любому дверь —
Бог простит. А Лёха... Все равно ему теперь.

1964

Подборку составил и прокомментировал
Владимир Митрофанов

ЭФРАИМ СЕВЕЛА

ИСТОРИИ ПРО БАБ,

рассказанные бывшим советским парикмахером Аркадием Рубинчиком

Всему свое время. Надо вас немножечко развлечь. А что лучше может позабавить двух уважаемых мужчин, чем то, что сейчас называют сексуальными проблемами?

Я проблем никаких ставить не собираюсь. Просто потреплемся всласть, языками почешем.

Но это не просто истории про баб. Это часть моей биографии, и поэтому вы узнаете кое-какие пикантные подробности из жизни простого советского парикмахера Аркадия Рубинчика. А поскольку советский человек, как ни вертись, никуда от политики не может спрятаться, то все, что вы дальше услышите, будет иметь и политический оттенок, и чуть-чуть социальный, и, если хотите, даже исторический. Потому что каждый из нас — частица народа, а народ, как завещали классики марксизма-ленинизма, — творец истории...

Но прежде, чем рассказывать про баб, я расскажу вам, за что меня судили и на два года угнали пилить лес, чтобы я за колючей проволокой прошел трудовое перевоспитание и стал полноценным советским человеком.

Началось все самым мирным образом, и ничто, как говорится, не предвещало бури. Поздним вечером, поужинав и надев свой выходной костюм, я шел по засыпающим улицам родного Мелитополя с привычным, хотя и с весьма деликатным, поручением. Я шел давать взятку. Не индивидуальную, а коллективную. От всего коллектива нашей парикмахерской. И кому бы вы думали? Начальнику милиции майору Губе. В собственные руки, с доставкой на дом. Пятьсот рублей наличными — ежемесячная дань, которую взимал с нашей парикмахерской товарищ Губа.

Почему мы совали взятку, это даже грудной ребенок поймет. На нашу зарплату можно было только ноги протянуть. Чтобы этого не случилось и катастрофически не сократилось поголовье парикмахеров в стране, каждый советский парикмахер, беря плату с клиентов, из трех случаев в одном сдает деньги в государственную кассу, а в двух остальных кладет себе в карман. Кому не хочется, чтобы это всплыло наружу, тот должен коекого подмазывать. Мы не разменивались по мелочам и давали на самый верх — начальнику милиции. Это — полная гарантия, как у Бога за пазухой. А наскрести пятьсот рубчиков с трех парикмахеров нашей точки — плевое дело. Народ сознательный, отчисляли, как налог.

Почему относил взятку я, а не кто-нибудь другой, тоже нетрудно догадаться. В масштабах Мелитополя я был к тому времени фигурой заметной, местной достопримечательностью, так как незадолго до того занял третье место на всеукраинском конкурсе дамских причесок, и мой портрет, а также статья обо мне появились в киевском журнале. У меня было больше шансов, чем у любого мелитопольского парикмахера, разговаривать с майором Губой, не опасаясь его хамских выходок. Тем более, что я шел не брать у него взаймы, а нес ему в зубах довольно жирный кусочек.

Я шел по улице Ленина, посвистывая, и понятия не имел, что гуляю на свободе последний раз. Майор Губа проживал на этой самой улице Ленина в новом, самом шикарном в городе доме. Я не впервые проделывал этот путь и обычно без всяких осложнений вручал конверт с деньгами супруге майора Губы — мадам Губе. И на сей раз она открыла мне дверь. Из дальних комнат слышался многоголосый шум. Я отдал конверт и хотел было уйти, потому что мадам Губа была вдрызг пьяна и еле стояла на ногах, отчего навалилась на меня своей могучей грудью. При моем невысоком росте ее пудовые груди плашмя опустились на мое темя, и я погрузился в них по уши, как в тесто.

— Кто там? — услышал я пьяный голос майора Губы, потому что видеть ничего не мог.

— Да этот... еврейчик... — ответила мадам Губа, качнувшись назад, и я увидел, как майор Губа, в расстегнутом кителе и в галифе без сапог, подхватил ее сзади, чтобы она не плюхнулась на пол. — Деньги принес.

— Ух, жиды мои, жиды, бисово племя... — сказал майор Губа, и я чуть не задохнулся от коньячной вони. — Беру за вас грех на душу... перед Богом... и... и перед партией.

— Ваня, тащи его к нам! — позвал кто-то из комнат. — Пусть с нами выпьет. А то они нас за дураков считают, а себя умнее всех. Пусть покажет, что не брезгует.

Я человек застенчивый и поэтому ломаться долго не стал, о чем потом очень даже сожалел.

У начальника милиции майора Губы гуляли сослуживцы. Заместитель по политической части капитан Медоконь и начальник отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности — ОБХСС — капитан Крыныця. С женами. Это были вполне натуральные украинские дамы. «Повна пазуха цицьок» и такие зады, что на каждом три мильтона могли бы свободно резаться в очко и даже облокотиться обеими руками.

Я угодил в прелестную компанию. Блюстители порядка и социалистической законности были в последней стадии опьянения и, не придумав ничего остроумнее, затеяли соревнование жен. Замполит капитан Медоконь ко всеобщему ликованию назвал это соревнование социалистическим и объявил, что победительница получит переходящий красный член. Не красный флаг, как пишут в газетах, а мужской член. И не какой-нибудь, а обрезанный. Который для блага народа конфискуют они у гражданина парикмахера Рубинчика. То есть у меня.

Я смеялся вместе со всеми. Потому что думал, что это шутка. Не очень смешная, но вполне терпимая, если учесть, что ее автор — милиционер. Мне бы, дерзни я сказать такое, влепили десять лет по статье пятьдесят восьмой. Контрреволюция. И еще с лишением прав на пять лет. А им хоть бы хны.

Они вывели своих в стельку пьяных жен на балкон, усадили в ряд на корточки, задрали им юбки на головы, — а трусов ни на одной из них и так уже не было, — и скомандовали мочиться: которая пустит струю дальше других.

В квартире было два балкона, и сначала бабы расселись на том, что выходит на улицу Ленина. Но замполит капитан Медоконь, не терявший политического чутья даже

Фото: Андрей ГРЕЙЖА

Глава из повести "Остановите самолет — я слезу!".

во хмелю, сказал, что это будет не совсем правильно — мочиться на улицу, носящую имя великого вождя. Милиционеры спорить с ним не стали и, ухватив под мышки своих грузных супруг, волоком потащили голозадые мяса на балкон, выходящий во двор, и там поставили их в боевую позицию, то есть водрузили опять на корточки.

Я — не монах. И, как и Карлу Марксу, ничто человеческое мне не чуждо. Отнюдь! Но к «этому самому» я отношусь с уважением и не терплю бесстыжих баб. Я начисто лишаюсь мужских достоинств, когда попадаю в лапы такой особе. Меня тошнит, когда баба берет инициативу в свои руки и командует мужчиной, как и что ему делать, чтобы ее ненасытность утолить. И я готов завыть в голос, когда баба делает это все на людях, нарочно показывая, что не знает стыда...

Но вернемся к балкону майора Губы, где три грации с голыми задами сидят на корточках, подпираемые, чтоб не свалились, своими мужьями в милицейских мундирах, и старательно мочатся через ажурную решетку в темный двор.

Все было ничего, пока майор Губа не решил осуществить на практике идею своего заместителя по политчасти капитана Медоконя.

— А ну, Еврей Иванович, — обратился ко мне майор, — доставай свое обрезанное хозяйство и покажи дамам. Пусть пощупают и убедятся, что оно ничем не лучше нашего.

Я послал его вместе с дамами подальше.

Это милиционерам не понравилось.

— Отказываешься? Брезгуешь нашей компанией? Хочешь быть умнее всех?.. А ну, вызвать наряд и взять под стражу!

Они не шутили. Позвонили по телефону, явилась куча мильтонов, заломили мне руки, увезли в участок и бросили в камеру.

Это было полнейшее беззаконие, но они сами закон в этом городе, и потому моя песенка была спета. Меня обвинили в попытке всучить майору Губе взятку. Свидетелями были капитаны Медоконь и Крыныця, а также их жены. Припаяли мне два года исправительно-трудовых лагерей, и адвокат клялся потом, что я еще дешево отделался, так как майор Губа проявил снисходительность и снял второе обвинение: попытку изнасиловать его жену.

Так я стал заключенным. Сроком на два года. В тайге. На лесоповале. Мы там мерзли, голодали и работали, как на галерах, поставляя кубометры древесины для великих строек коммунизма. Мои нежные, мягкие руки мастера-парикмахера на глазах грубели, деревенели, покрывались мозолями, и я видел, что еще немного — и я уже никогда не смогу вернуться к своей профессии. Об этом мне сказал и один знаменитый пианист, тоже заключенный, мой напарник по лучковой пиле.

— Дорогой маэстро Рубинчик, и у вас, и у меня руки — это наш инструмент, наша единственная драгоценность. Так вот, должен вас огорчить, они безвозвратно испорчены. Нам грозит профессиональная смерть.

Я не хотел умирать ни профессионально, ни как-нибудь по-другому. И я решил драться за спасение моих рук.

Все мои обращения к начальству с просьбой использовать меня по назначению, по профессии, и спасти руки от гибели вызывали только насмешки конвоя и повышение нормы на лесоповале. И тогда я обратился к не раз испытанному, всегда безотказному средству. Шерше ля фам, как с большим знанием дела определили это средство французы, — ищите женщину. Спасти меня могли только бабы. Отзывчивые, добрые русские бабы. Конечно, вольнонаемные. Жены офицерского состава лагерной охраны, тоскующие в этой глуши из-за непристойной, но денежной профессии мужей.

Библиотекарем в КВЧ — культурно-воспитательной части — работала Антонина Семеновна — жена начальника лагеря. Я стал самым заядлым читателем и вечерами до отбоя рылся в библиотеке, в журнальном хламе, среди толстых подшивок, пока не нашел тот старый номер, где был напечатан мой портрет и статья обо мне — призере всеукраинского конкурса мастеров дамских причесок. Подсунул журнал Антонине Семеновне. Она прочла, глазам не поверила.

— Так это вы, гражданин Рубинчик? Не может быть! Господи, что ж это делается! Мы тут, в этой дыре, ходим халдами, дуры дурами, а такой мастер, такой виртуоз своего дела ворочает бревна вместо того, чтоб наводить красоту на жен офицерского состава. Ну и покажу я своему дуролому! — Она имела в виду своего мужа — начальника лагеря.

Дальше — как в сказке. Меня немедленно сняли с лесных работ, дали усиленное питание, разрешили бесконвойный выход за зону. Привезли инструмент, и я стал обслуживать на дому всех жен офицерского состава.

Что я могу вам сказать? Я ненавидел людей, одетых в эту форму. Они напоминали мне майора Губу. И я мстил им как мог.

А мог я вот что. Я приходил с саквояжем с инструментами к моим клиенткам домой, когда их мужьям полагалось быть на службе. Женщины ко мне привязались. Любая благоволит к тому, кто делает ее красивой. Парикмахеров и гинекологов не стесняются. И я стал жить с ними со всеми, без исключения. От жен младших лейтенантов до Антонины Семеновны. Я похудел и осунулся, хуже, чем на лесоповале, хотя кормили они меня на убой, и каждая совала мне в карман, когда я уходил, самые вкусные куски от обеда, предназначенного супругу.

Скажу не хвастаясь, что вся женская половина семей офицерского состава души во мне не чаяла; я же испытывал жестокое наслаждение, когда валялся в сапогах на семейном ложе моих врагов, доводил офицерш до истерики и каждую заставлял при мне поносить своего мужа самыми непотребными словами. Они, как преданные рабыни, с упоением поливали помоями своих мужей и славили меня как первого настоящего мужчину в их однообразной жизни.

Чего мне было еще желать? Было чего. Досрочного освобождения. Я смертельно устал от этих баб. Я изнемогал в клетке. Я рвался на волю. Хотя воля и неволя у нас в стране понятия относительные.

И опять помогли бабы. Помимо своего желания. Мужья, эти долдоны в мундирах, стали прощупывать под форменными фуражками явные признаки рогов. Распри пошли внутри семей. Каждая из баб пригрозила своему охламону, что если меня сплавят в другой лагерь, то она потребует развода. И тогда мужья, не сговариваясь, нашли выход из положения. Именно тот, о котором я мечтал. На меня были составлены самые похвальные характеристики, посланы куда следует, и я оглянуться не успел, как прибыло распоряжение о моем досрочном освобождении. За примерное поведение и отличную ударную работу. Так черным по белому было написано в приказе.

Я убрался из лагеря, даже не сказав «прощай» ни одной из своих наложниц. На память им остались столичные прически. Но сколько держится прическа? Ну, месяц, от силы два. Если не мыть головы. Сказать вам откровенно? Я льщу себя надеждой, что они меня помнят дольше. Не как парикмахера. Как мужчину.

Вот вам истории про баб. И не такие уж смешные, а больше грустные. Но плохое забывается, и только хорошее приходит на память. Поэтому я улыбаюсь, и вы улыбаетесь.

113/43